

Елена Поддубская

Такая роковая любовь

р о м а н

к н и г а 2

Елена Поддубская

Такая роковая любовь.

Роман. Книга 2

«Издательские решения»

2015

Поддубская Е.

Такая роковая любовь. Роман. Книга 2 / Е. Поддубская —
«Издательские решения», 2015

Вторая книга рассказывает о возвращении главных героев на Родину и их нелёгкой личной жизни в 90-х годах прошлого столетия, в которой любовь переплетается со смертью. Для поиска алиби адвокату обвиняемых приходится лететь в Сибирь. Красочные картины жизни староверов, малоизвестной, нелёгкой – яркая часть романа. Порядочность сибиряков спасает подозреваемых, а жизнь их хранит опять же любовь, такая роковая, но настоящая.

© Поддубская Е., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

КНИГА ВТОРАЯ	6
Глава первая: Начало суда. Август 1997	6
Глава вторая: Первый день суда. Версия Соева	11
Глава третья: Второй день суда. август 1997	21
Глава четвёртая: Неожиданный поворот в процессе	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Такая роковая любовь
Роман. Книга 2
Елена Поддубская

© Елена Поддубская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

КНИГА ВТОРАЯ

*Годы полем стелются
Шёлковым и с вереском,
Или выжженной травой,
Или поймой луговой,
Где вода не движется
И в брод не перейти
На конце пути.*

Глава первая: Начало суда. Август 1997

В Замоскворецком суде Москвы шло рассмотрение дела по убийству молодой женщины. Зал был забит до отказа. Среди пришедших мало кто знал потерпевшую при жизни, ещё меньше кто был знаком с обвиняемым. Людей привлекла в суд необычайная таинственность, преданная данному делу вездесущей прессой. За несколько дней до начала процесса четыре регулярных столичных издания так и эдак обсмаковывали выданные прессе Прокуратурой района немногочисленные следственные данные, искажая их и преувеличивая. Это и разыграло в обывателях любопытство.

Суть дела состояла в следующем. Двадцать третьего января этого года господин Кравцов Николай Александрович позвонил в районную милицию и сообщил о самоубийстве своей супруги Фёдоровой Ларисы Николаевны. На место происшествия – на квартиру, в которой проживали супруги, тут же выехала дежурная милицейская бригада. Прибыв на место, блюстители порядка действительно обнаружили там мёртвую супругу Кравцова. Лариса Фёдорова умерла от передозировки снотворного, предписанного её мужу. Как лекарство попало в руки погибшей, Кравцов объяснений дать не смог. Он утверждал, что в ночь гибели Ларисы спал. При обыске в квартире была найдена предсмертная записка Фёдоровой. В ней умершая обвиняла мужа в измене с его первой женой Анной Керман. Анна когда-то была, к тому же, и подругой самой Ларисы. Запутанность отношений супругов, и отсутствие какого-либо внушительного алиби у Кравцова, позволили милиции привлечь Николая к делу в качестве основного подозреваемого, и взять его под арест. Анна проходила по делу как возможная соучастница. Учитывая, что на момент смерти Фёдоровой, Керман являлась гражданкой Германии, с неё была взята подписка о невыезде из Москвы.

Так или иначе обсуждая обвиняемых, многоголосая толпа с нетерпением гудела, ожидая начала процесса. Кто-то пытался во всех красках разрисовать ухищрения убийцы при совершении насильственного акта. Кто-то торопился достоверно определить причины, побудившие Кравцова на преступление. Впрочем, цель убийства казалась для многих очевидной: сговор давних любовников и захват ими жилплощади убитой. Для Москвы подобная бытовуха была совсем не редкостью. Соревнуясь в мастерстве коробить чуткие сердца предположениями о вероломной хитрости обвиняемого, газетные статьи наперебой привлекали внимание. Образ подозреваемого убийцы был сформирован лихими, с точки зрения морали, фразами пишущей братии так, что для читателя Кравцов представлял собой детину огромного роста, с обольстительной внешностью. Характер его соответствовал, по всем критериям, человеку скупому во всех проявлениях: от слов и чувств, до материальных ценностей. «Сообщница» Кравцова, Анна Керман, тоже не была обойдена вниманием. Её образу придали краски матёрой чужестранки-развратницы, не способной ни на жалость, ни на сочувствие.

Подобные характеристики, предосудительные в подтексте, определенно подогревали народ. Тем не менее, появление подозреваемых было встречено неровным ропотом. Первая реакция толпы явно не походила по эмоциональному проявлению на то молчаливое негодование, с каким зал должен был бы встретить настоящих убийц.

Основным обвиняемым оказался молодой мужчина тридцати трёх лет. Он был действительно высокого роста и приятной наружности, лишенной, впрочем, как угрожающего вида, так и следов каких бы то ни было затаённых коварств. Оказавшись перед публикой, введенный растерянно заморгал глазами и, шурясь от близорукости, стал всматриваться в зал. Его смуглое лицо, выбритое на скулах до синевы и прозрачное из-за тонкости кожи, было идеально чистым. Разливаясь по всему лицу ровным матовым тоном, цвет лица резко контрастировал с тёмными, почти черными, усами, придававшими этому человеку определённый шарм. Такими же тёмными были и волосы Кравцова. Коротко постриженные, они лежали аккуратной причёской в силу их природной пышности и покладистости одновременно. Красивые тёмные глаза, ярко подчёркнутые контуром коротких, но пышных ресниц, смотрели на людей с неловкостью и выражали непонимание ситуации, в какой оказался их хозяин.

Фигура обвиняемого, казалось, складывалась пополам не столько из-за его высокого роста, сколько из-за наложенного на него обвинения. Мускулистые руки с длинными пальцами и тонкими изящными суставами, такие, как у художника-творителя, при данных обстоятельствах тяжело свисали по бокам. Не находя себе покоя, руки норовили то залезть в карманы штанов, то опереться на деревянную планку судебного барьера, за которым мужчина стоял. Одет подсудимый был скромно: в серую тенниску с коротким рукавом и светло-голубые брюки. На ногах, несмотря на жару, были светло-голубые, в тон к брюкам, носки и туфли тонкой светлой кожи, удивительно чистые, особенно, если учитывать, что этот человек уже более шести месяцев находился под стражей. Подобная опрятность тоже вызвала положительную оторопь в зале. Вплоть до того, что какая-то солидная дама при детальном осмотре личности обвиняемого не замедлила поставить под сомнение лояльность правосудия. Выставляя подсудимого мальчиком для битья, она выразила также несколько нелестных слов и в адрес прессы.

Но, встав на защиту обвиняемого столь поспешно, дама тут же прикусила язычок. Все заметили, как потеплел и утвердился взгляд Николая при появлении в зале суда его предполагаемой соучастницы.

Последней оказалась молодая брюнетка того же возраста, что и обвиняемый, невысокого роста и прекрасно выраженных форм. Лицо Анны Керман было отмечено не красотой, а, скорее, ухоженностью и благородством. А изящество, с каким она несла на себе вовсе незамысловатое летнее платье, подкупало. Войдя в зал, Анна с порога нашла глазами подозреваемого и глубоко выдохнула, будто успокоилась. Целиком растворясь в направленных на неё темных глазах, она села на отведённое место и так и оставалась там, безучастная к происходящему в зале.

– Встать! Суд идет! – объявила привычным голосом секретарь суда, вслед за чем процесс пошел обычным путём. Присяжные, в числе двадцать человек, сидели за отдельной стойкой. Об их участии в открытом процессе ходатайствовала защитная сторона.

Рассматриваемое дело не представляло для больших знатоков юриспруденции никакого профессионального интереса. Вкратце выслушав государственного обвинителя, большая их половина практически предугадывала как течение процесса, так и ту меру наказания, что получит обвиняемый. То, что преступление является делом рук мужа убитой, казалось очевидным. Адвокат потерпевшей стороны Георгий Михайлович Соев созерцал суд размеренным взглядом и был настолько спокоен, что в момент, когда судья стал зачитывать результаты обыска, проведённого на месте преступления, Соев принялся оглядывать своего оппонента – Евгения Петровича Рябова. Взгляд Соева был летучим, ненавязчивым. Вместе с тем, в нём явно проскальзывало снисхождение, что означало только одно – полную уверенность.

В момент, когда по просьбе судьи со скамьи подсудимых поднялся подозреваемый Кравцов, адвокат обвинения ни напрягся, пытаясь по привычке вникнуть в суть его объяснений, ни даже просто обострил внимание. Он словно и не старался искать в оправдательной речи Кравцова какую-либо сомнительную деталь. Для Соева всё дело было представлено как на ладони, и ещё вчера разложено по полочкам. Знал адвокат потерпевшей и о том, какой интерес испытывают к данному процессу районные власти. Главный депутат Замоскворецкого района в последнее время участил свои требования осведомлять избирателей о выдвинутых наказаниях. Не далее как вчера, один из помощников прокурора района, встретивший Соева в здании суда, почти открытым текстом заверил адвоката в том, что этот процесс станет показательным, а для Михаила Михайловича юбилейным по количеству выигрышей. Заручившись столь веской информацией, Соев, по ходу слушания дела, заносил в рабочий блокнот некоторые заявления говорящего скорее по привычке, нежели от усердия.

Он заранее предвкушал весь блеск своей обвинительной речи, изобилующей достаточным количеством вопросов, способных заставить смутиться и не таких, как этот Кравцов.

У самого же обвиняемого, едва лишь судья произнес его фамилию и зачитал вслух выдвигаемое обвинение, к робости взгляда добавились чрезмерная сухость во рту. Это играло не в его пользу. Встав перед судьей и присяжными заседателями, Николай Кравцов почувствовал тошноту. Никакие советы адвоката Рябова быть спокойным не действовали. Поднявшись перед барьером, Николай понял, что его детская слабость тушеваться перед публикой, может стать для него на этот раз губительной. Он понял это и попытался взять себя в руки: опёрся на барьер перед собой и тяжело оглядел незнакомую ему в своем большинстве человеческую массу, ожидавшую объяснений. Кем были эти люди, и откуда взялось у них право на осуждение, Николай не понимал. Это мешало «сосредоточиться на чёткой и доступной констатации фактов», как учил Рябов. Настраиваясь на объяснение, Кравцов несколько раз шумно вдохнул-выдохнул прежде, чем начал рассказ. Повествование заставляло мужчину попутно зрительно переживать случившееся.

Двадцать второго января этого года он, Николай Кравцов, уроженец деревни Серебрянка Калужской области, проживавший ныне в Москве по известному суду адресу с супругой Ларисой Фёдоровой, пришёл домой около десяти часов вечера. Вообще-то, рабочий день в их риэлтерской фирме заканчивался в шесть, но не для начальства. Начальство состояло из Ларисы Фёдоровой – основного учредителя и коммерческого директора в одном лице, технического директора Николая Кравцова, архитектора Сальцова, инженера по строительству коммуникаций жилых помещений Дедаевой и бухгалтера фирмы Киряковой.

В тот день всё руководство, за исключением Фёдоровой, осталось на работе сверх рабочего времени для обсуждения одного из проектов. Лариса Фёдорова, будучи накануне больной, в этот день на работу не явилась вообще. Кроме разговоров о предстоящем проекте, речь на собрании шла также о введении в штат фирмы очередного сотрудника – специалиста по дизайну и оформлению интерьера. Единственным кандидатом на открываемое вакантное место была гражданка Керман Анна Борисовна.

По заявлению всех опрошенных вышеуказанных сотрудников, кандидатура Керман была выдвинута на рассмотрение сначала Николаем, а затем одобрена Фёдоровой. Остальные сотрудники решение хозяйки поддержали без сомнений. Анна Керман имела достаточное образование и все требуемые компетенции для работы на фирме. С первых же минут Керман завоевала общую симпатию. Она говорила про актуальность тенденций в разработке дизайна, была в курсе возрастающих требований клиентов. Чисто внешне женщина производила на сотрудников фирмы также благоприятное впечатление. О том, что она являлась бывшей женой их шефа никто не злоязычил. Все знали, что отношения Анны с Николаем оставались нормальными и после развода. По словам Ларисы, они никак не влияли на семейную

жизнь начальницы: Фёдорова не только не ревновала бывшую жену к своему настоящему мужу, но и даже не упускала возможности повсюду заявлять о том, что доверяет порядочности Анны.

Двадцать второго января после собрания, закончившегося около девяти часов вечера, Николай завез бывшую жену в гостиницу «Россия». Анна проживала там за счёт фирмы. В ресторане гостиницы Кравцов наскоро выпил с Анной по фужеру шампанского, поздравив бывшую супругу с удачным трудоустройством. После этого он оставил Анну ужинать одну и поехал домой к супруге настоящей. Перед прощанием Кравцов пригласил Анну завтра к ним на ужин. Лариса о приглашении не знала, но, будучи заранее уверенным, что она одобрит его, Николай сделал его совершенно спокойно. Также спокойно он рассказал о приглашении дома по возвращении. К его невероятному удивлению, Лариса восприняла новость о предстоящем приходе Анны более, чем бурно. Впрочем, вернувшись домой Николай сразу заметил, что жена пьяна в стельку. Не в силах выносить Ларису в подобном состоянии, Николай нашёл временное убежище в ванной. Он пообещал жене оставаться там до утра, если она не успокоит расшатавшиеся нервы. Минут через пятнадцать, приняв душ и убедившись, что в квартире тихо, Кравцов вышел из ванной. Сначала мужчине показалось, что жены дома нет; настолько поразительной была тишина. Пройдя на кухню, Николай открыл холодильник и принялся искать что-нибудь съестное. В последнее время Лариса почти не готовила. К тому же, особенно в последнее время, она нередко позволяла себе употребление спиртного. Это настаивало Николая; начав пить, Лариса не ограничивалась одним стаканом. Пила она всё подряд: и виски, и шампанское, и вино, и водку... Всё это заранее покупалось якобы для неожиданных гостей, но в домашнем баре не застаивалось.

Не найдя в холодильнике ничего приготовленного и на этот раз, Николай наскоро сделал бутерброд, вскипятил воду и заварил ею суп из пакетика. У него с детства были слабые желудок и печень. Ожидая, пока суп настоится, Кравцов вышел на балкон покурить. И вот здесь-то онемел: по всей длине одной из продольных стенок их крохотного застеклённого балкона в ряд стояли пустые бутылки. То, что выпитое было не вчерашней давности, Кравцов знал наверняка. Не далее как сегодня утром, перед уходом на работу, он собственноручно спустил в мусоропровод всю пустую тару, накопившуюся в доме за несколько последних дней. Ужаснувшись, Николай насчитал восемь пол-литровых бутылок из-под пльзенского пива и две бутылки из-под вина: одну красного и вторую белого. «Ризлинг» они обычно покупали в супермаркете для тушки курицы. Отсутствие на плите приготовленного блюда доказывало, что на этот раз хозяйка нашла вино другое применение. Открытие вызвало сомнение. Сначала он подумал, что днем у Ларисы кто-то был. Как всякому честолюбивому мужчине ему в голову сразу же закрались подозрения: не является ли причиной перемен, происходящих с Ларисой, другой мужчина? Кравцов почувствовал горечь во рту и жжение в желудке. Погружённый в тяготные мысли настолько, что забыл про курево, Николай зашёл с балкона в квартиру. И вдруг из спальни до него донеслись жалкие рыдания супруги.

Лариса лежала на кровати полураздетая и, уткнувшись в подушку, пьяно рыдала. На вопрос Николая о причине истерики, она усилила плач. Ничего не понимая и ещё больше подхлёстывая себя в собственных подозрениях, Николай предложил Ларисе успокоиться и пойти на кухню поговорить. Жена послушно проследовала за ним. Усевшись напротив через стол, она стала тупо смотреть, как Кравцов ужинает.

На тот момент Лариса казалась спокойной, даже вялой. Она приготовилась к разговору по душам, испросив для себя последний стаканчик. Не желая обострять и без того сложную атмосферу, Николай молча отметил, как жена открыла красное вино. Он решил выпить, чтобы поддержать компанию, хотя, в принципе, вино не очень-то и любил. Супруги чокнулись бокалами. Николай отпил несколько глотков. Лариса осушила бокал одним залпом. Посидев несколько секунд молча, она принялась говорить.

Вся её речь сводилась к уже высказанным до этого обвинениям в измене. Любая попытка мужа пресечь беспочвенные оскорбления сводилась к новой вспышке грубости.

Николаю было невыносимо слышать подобное, почему, на очередной взвизгивающей ноте, он всё-таки прервал разговор и пошел в спальню. Там, приняв снотворное, он лег в кровать. Обиженная Фёдорова осталась на кухне и, по доносившимся звукам, скорее всего вновь налегла на спиртное. Впрочем, после принятия лекарства, Кравцов очень скоро провалился в глубокий сон.

Проснулся Николай рано утром. Ларисы в кровати не было. Он встал, прошёл по квартире и увидел её спящей на кушетке в третьей комнате. Ничего подозрительного в позе Ларисы мужчина не заметил, отчего сразу же прошёл в ванную. Затем он сварил себе кофе, позавтракал и оделся, чтобы идти на работу. Перед уходом мужчина решил всё-таки разбудить жену и попросить появиться сегодня на фирме. Он понимал, что Лариса ревнует, и не хотел создавать проблем из-за бывшей супруги. Нужно было окончательно решить вопрос о трудоустройстве Анны. Сделать это, к сожалению, Кравцову не пришлось. Подойдя поближе к кушетке, он заметил неестественно жёлтый цвет лица спящей. Николай схватил жену за руку и сразу же понял, что приключилась беда. Тело было холодным. Николай бросился в зал. Там он увидел недопитую бутылку вина, бокал, наполненный наполовину, и пустую пачку от снотворного, валявшуюся около столика. Не медля, Кравцов позвонил сначала в скорую помощь, затем в милицию. Но помочь Ларисе уже никто не мог.

Глава вторая: Первый день суда. Версия Соева

Закончив свой рассказ, подсудимый Кравцов перевёл взгляд, отрешённо блуждающий до этого по залу, на судью и присяжных заседателей. Судя по выражениям их лиц, они верили с натяжкой. Николай достал из кармана брюк пачку с бумажными носовыми платками, утёр одним из них потное лицо и попросил у милиционера, стоявшего перед ним, воды. Пока он пил, судья предоставил слово для допроса адвокату обвиняющей стороны.

Соев, уже давно и нетерпеливо ожидая этого, поднялся с места.

Взяв со своего стола необходимые записи, он, энергично пружиня, пошёл в сторону барьера. Остановившись перед громадиной Кравцова и продолжительно глядя ему в глаза, миниатюрный Соев молчал до тех пор, пока не дождался, что подозреваемый опустит взгляд. Тогда, победоносно улыбнувшись режущей улыбкой, он отвернулся от него и обратился к залу:

– Уважаемый суд, господа присяжные заседатели, дамы и господа! Позвольте зачитать вам следующее официальное заявление медицинской экспертизы.

Судья положительно кивнул.

– Заключение врача: «Употребление препарата „Барбамила“, являющегося снотворным сильного действия, произошло вечером двадцать второго января сего года в промежутке времени между двадцатью двумя и двадцатью четырьмя часами. Количество препарата, присутствующее в крови умершей Фёдоровой Ларисы Николаевны, определено ноль, запятая, шестью граммами на литр. Количество лекарства, растворённое в вине в недопитой бутылке и в бокале, составляет примерно один грамм на литр. На бокале найдены отпечатки пальцев и губ потерпевшей. Помимо данного препарата, в крови погибшей обнаружен алкоголь в количестве трех граммов на литр, что соответствует состоянию повышенного опьянения.»

Закончив чтение, Соев вновь повернулся к подсудимому и поправил на носу очки:

– Подсудимый, что и в каком количестве вы пили в тот вечер?

Николай посмотрел на адвоката с легким непониманием. Но, заметив одобрительный кивок Рябова, понял, что отвечать необходимо.

Хмыкнув горлом и набрав в лёгкие побольше воздуха, Кравцов пробасил:

– Как я уже сказал, Лариса набралась ещё до моего прихода.

Было заметно, что Кравцов смущен. В его речи, и до этого сбивчивой и незамысловатой, стали проскальзывать слова, употребляемые людьми деревенского происхождения.

– Я спрашиваю вас не о том, что пила ваша жена, а о том, что пили лично вы, – уточнил Соев.

– Лично я выпил малость больше полстакана красного вина.

– Вместе с женой?

– Да.

– А в ресторане гостиницы, вместе с гражданкой Керман вы пили?

– Ах, да, – покраснел Николай от забывчивости, – Там я тоже выпил где-то полстакана шампанского. Я ведь это уже тоже говорил.

– Не больше?

– Нет. Не больше. Я был за рулем. Да и пили мы символически. Анна вообще редко пьет, – Кравцов посмотрел на бывшую жену, но, из-за последующего вопроса, не смог понять её состояния. Единственное, что он уловил, была нежность, с какой Анна смотрела на него. А ещё жалость.

– Значит, вы, выпив так мало, по возвращении домой не могли не заметить того, что ваша жена Лариса сильно пьяна? – маленькие глазки Соева сверлили буравчиком.

– Я же только что заявил, что Лариса набралась под завязку, – Кравцов не понимал к чему нужно по несколько раз переспрашивать одно и то же. Это начинало его злить.

Соев, меж тем, спокойно продолжил опрос:

– И вы, заметив это, как любящий муж, вместо того, чтобы позаботиться о жене и уложить её спать, предложили ей «добрать дозу»?

Кравцов замотал головой:

– Нет, пить я не хотел. Но Лариса устроила истерику, а потом попросила выпить с ней.

– И вы выпили? – Соев хитро щурился.

Николай беспомощно выдохнул:

– Да.

– Сколько?

– Полстакана, не больше.

– А Лариса? – не отставал следователь.

– Столько же. Она была недовольна, что я ей мало налил. Я же уже всё это говорил, – голос Кравцова был на грани срыва.

Соев улыбнулся, словно именно этого и ждал.

– Да-да, – поспешно согласился он, – Тогда скажите нам сколько вина оставалось в бутылке в тот момент, когда вы ушли из кухни в спальню?

Кравцов помедлил, соображая:

– Я не уверен, что смогу вам точно сказать сколько. – Пожав плечами, он посмотрел на судью.

– Скажите приблизительно, – попросил судья. Отчего-то ему было жаль мужчину, оказавшегося в столь странной ситуации. Но чувства могли быть причиной предвзятости. Поэтому судья говорил сухим и по-деловому. Николаю он, все же, придал уверенности:

– Наверное..., больше половины бутылки, – произнёс обвиняемый медленно и закончил, – потому, что Лариса тоже выпила свои полстакана.

– Вы хотите сказать полбокала? – грубо поправил Соев.

Кравцов, сбившись с мыслей, кивнул:

– Полбокала.

– А вы?

– И я полстакана, то есть полбокала, – стушевался Николай не столько от замечаний адвоката, сколько от собственного косноязычия.

– Значит, в момент, когда вы ушли из кухни, на столе должно было оставаться где-то около пол-литра? – быстро подытожил Соев.

Кравцов пожал плечами:

– Да, где-то так.

Дождавшись занесения ответа подозреваемого в протокол опроса, Соев обратился к присяжным заседателям:

– Уважаемые господа, не считите меня за зануду или буквоеда. Данный вопрос может иметь в последующем очень важное значение. Тем более, что у следствия есть всего лишь одна версия, и другой услышать не от кого. Вполне может быть, что на деле всё было вовсе не так, как только что рассказал нам господин Кравцов. Может быть, после того, как Лариса Фёдорова призналась, что знает о любовной связи своего мужа с Анной Керман, господин Кравцов, понимая, что это грозит ему разводом, решил покончить с ней?

– Чего? О какой любовной связи? – Николай нервно закусил зубами край усов с одной стороны. Адвокат Рябов резко встал с места с обращением:

– Это провокация, ваша честь! Я приношу протест.

– Протест принят, – тут же согласился судья, – Господин обвинитель, потрудитесь оперировать конкретными фактами, а не собственными предположениями. С тем, чтобы не навязывать ваше мнение суду.

Соев покорно сложил ладони:

– Хорошо, ваша честь.

Он знал, что его предположение способно определённо воздействовать на решение присяжных даже несмотря на то, что судья попросил оставить его без внимания. Так уж устроен человек, и Соев, как хороший психолог, знал, что память ярче удерживает то, что подверглось сомнению. К тому же, подобный трюк нередко использовался его коллегами именно для привлечения внимания присяжных к той или иной детали в обвинении. Вот почему теперь, влив в уши слушателей свою мысль, Соев принялся развивать её, тонко маскируя при допросе:

– У меня несколько вопросов к обвиняемому. Скажите, господин Кравцов, лекарство «Барбамил», которое послужило орудием смерти гражданки Фёдоровой, было предписано вам врачом?

– Да. Моим психотерапевтом, – за время перепалки между судьёй и Соевым Николай успокоился и отвечал конкретно, не вдаваясь в лишние детали. Так, как учил Рябов.

– Когда и почему?

– Я – технический директор. Это всё время напряжение. Приходится много работать с компьютером, создавать новые проекты. Осенью прошлого года, я понял, что не могу нормально спать. Снились кошмары. Я просыпался уставший, с головной болью. И потом целый день был вялый, – отвечая на новый вопрос, Николаю наконец-то удалось взять себя в руки и сосредоточиться, – У одного из моих коллег было такое же. Он посоветовал мне сходить к психотерапевту. Я пошёл. Врач сказал, что это – умственное переутомление. Нужно лечить. Иначе может быть истощение нервной системы.

Было заметно, насколько тяжело дается обвиняемому припоминать умные слова, способные придать солидности и ему самому, и его речи. После каждого ответа Кравцов поспешно вытирал лоб платком, который теребил в руках. Заметив это, Соев ухмыльнулся и что-то мимо-летом занёс в свою тетрадку-блокнот.

– И что же: ваш врач назначил вам столь сильное лекарство вот так сразу? – Въедчивый голос Соева таил непонятную тревогу.

– Нет, – припомнил Кравцов, – Он дал мне сначала «Люминал». Но у меня печень не очень, а «Люминал» при болезнях печени не советуют. И потом, он помогал мне не всегда. Поэтому, через несколько недель я снова пошел к врачу и попросил что-то другое. Тогда он выписал мне «Барбамил».

Соев выразил откровенное удивление, опять артистично и тонко, для публики:

– И вы, будучи сильным аллергиком на целый перечень наименований, от пыльцы злаковых до шоколада и клубники, согласились вот так запросто принимать препарат, вызывающий сильную зависимость и даже, при высоких дозах, наркотическое действие?

Николая эта деталь не впечатлила:

– А что мне оставалось делать? – мужчина посмотрел на присяжных, – От «Люминала» я был сонным и раздражительным. Я сказал это врачу. Он посоветовал поменять снотворное.

Соев выслушал объяснение Кравцова с таким видом, словно заранее знал его, и стал методично опрашивать дальше:

– Скажите, господин Кравцов, данное лекарство вы принимали ежедневно?

– Первые два месяца ежедневно. Потом – по мере необходимости.

– А в каких дозах?

– По одной или по две таблетки. Это зависело от формы выпуска.

– Уточните про формы выпуска, пожалуйста, – глаза Соева заблестели, как у вора при виде золота.

Кравцов пожал плечом:

– Пожалуйста. Есть пачки по шесть таблеток по ноль одному грамму, есть по ноль два грамма.

– Пачка, найденная в квартире Фёдоровой в день её смерти, была расфасовкой в ноль, запятая, два грамма?

– Да.

– А в предписании врача рекомендовано лекарство меньшей концентрации.

– Я знаю. Но в аптеке такого не было. Мне предложили или купить по ноль два грамма, или прийти в другой раз. Я взял то, что было.

– И при этом вам объяснили, что вместо одной таблетки теперь нужно пить только половину, а вместо двух таблеток – одну?

Кравцов кивнул.

– А вы знали, что большая доза этого лекарства способна вызвать летальный исход? – последние слова были произнесены адвокатом Соевым с акцентом на них.

Николай пожал теперь уже двумя плечами:

– Так... это... даже витамины могут быть ядом, если тонну съесть. Разве не так? – Кравцов вновь посмотрел на присяжных, ища поддержки.

Соев встал перед подозреваемым, загораживая пространство, насколько это было возможно, и удерживая внимание Кравцова на себе:

– Так-то это так. Но данное лекарство входит в список особо опасных. Врач вам про это говорил?

– Да.

– А он объяснил вам как принимать лекарство?

– И он. И в аптеке, – Николай успокоился совсем. Казалось, вопросы задаются только для информирования присяжных, посвящённых в суть дела поверхностно. Соев кивнул согласно и попросил:

– Тогда расскажите это нам.

– Если хотите. Эти таблетки нужно растворять в воде.

– Правда? И какой же у них вкус, запах?

– Запаха – никакого. А вкус? – Кравцов замялся, – Немного горьковатый.

Соев стоял совсем близко и улыбался, как хороший приятель:

– Этот вкус характерный или, если таблетку растворить не в воде, а в соке или, скажем, в вине, то возможно и не почувствовать на вкус наличие препарата в напитке?

Рябов вновь поднялся, заставив Кравцова снова заволноваться.

– Ваша честь, – недовольно заметил адвокат, – я возражаю против того, чтобы мой защитный отвечал на этот вопрос. Я вижу, к чему клонит обвинение.

Судья посмотрел на обоих адвокатов, видимо размышляя над их логическими заключениями, затем посмотрел на Рябова:

– Протест отклонен. Подсудимый, отвечайте на вопрос!

Кравцов посмотрел на судью растерянно:

– Я не знаю, что ответить, Я, скорее всего, отличил бы этот вкус.

– А ваша жена могла его отличить? – ухватился Соев за последнюю фразу.

– Я не знаю. Думаю, что могла.

– Думаете или уверены? – настаивал Соев на уточнении.

– Думаю, – ответил Николай, поразмыслив. И тут Соев взвился на месте:

– А я так думаю, что в том неадекватном состоянии в котором, судя по заключению мед-экспертизы и вашему собственному признанию, находилась ваша жена, она вряд ли смогла бы отличить вкус растворённого в вине лекарства. Тем более, что для того, чтобы убить её, нужно было растворить в бокале всего лишь то количество, что чуть-чуть превышает лимит нормы разового употребления. А лимит этот, как написано в аннотации, определен всего-то одной таблеткой по ноль, запятая, два грамма лекарства. – Соев выражал свою точку зрения, воз-

высив голос мо максимум. По залу прошёл возмутительный ропот. Адвокат Рябов поднялся и разочарованно развел руками:

– Господин судья! Если верить версии господина Соева, то, в таком случае, мой подзащитный должен был принять лекарство гораздо позже, чем его жертва. В то время как биохимическая экспертиза его крови, основанная на диссимилиации препарата, подтверждает, что Николай принял лекарство тридцатью-сорока минутами раньше своей жены. Это – алиби.

Соев, выслушав оппонента, подошёл к его столу и ехидно улыбнулся ему, при этом направляя свой ответ в сторону присяжных заседателей:

– Конечно, коллега, это всё так. Но ведь мы знаем, что в тот вечер Лариса Федорова была сильно пьяна и не могла следить за действиями своего мужа. Мы знаем, также, что на месте совершения убийства была обнаружена единственная пустая пачка из-под «Барбамила». – Рассуждая, как бы с самим собой, Соев принялся расхаживать по залу, глядя в пространство воздуха. – Обычно, как сказал нам до этого подозреваемый, в пачке содержится шесть таблеток. Сам Кравцов принял в тот вечер одну таблетку. А пачка, на момент обыска, была пуста. Экспертиза подтверждает, – Соев подошел к своему столу и приподнял листок, что зачитывал до этого, – что суммарная концентрация лекарства в оставшемся вине не превышает пяти таблеток «барбамила» по ноль, запятая, два грамма. По цифрам все сходится. Так, может быть, господин Кравцов сначала растворил в бутылке пять таблеток, затем выпил шестую, затем позвал жену в спальню и добился того, чтобы она оставалась там с ним до тех пор, пока он полностью не заснул? Молодому, здоровому мужчине не составило бы труда поддерживать разговор, находясь уже, фактически, в состоянии полудрёмы. Выиграв таким образом нужное ему для алиби время, Николай Кравцов вслед за этим спокойно погрузился в сон, зная, что оставляет Ларису наедине с вином и растворенным в нём лекарством. И так как Фёдорова вообще любила выпить, а в тот вечер, к тому же, была не в состоянии себя контролировать, то Кравцов был практически уверен, что после того, как он заснёт, жена продолжит выпивку. Что и случилось. Лариса действительно продолжила пить. А так как концентрация «Барбамила» в вине была убийственной, Фёдорова свалилась замертво, не успев допить.

Выдвигая обвинительную версию, Соев говорил с таким спокойствием и при этом так улыбался, словно речь шла не о происшествии со смертельным исходом, а о каком-то банальном случае. Прибегая к избранной лёгкости суждения, Соев рассчитывал и на доступность своей версии для всех, слушавших её, и на очевидность предполагаемого.

Рябову, более чем кому-либо, была понятна хитрость Соева. Не желая поддаваться его игре, адвокат защиты решил быть понастойчивее:

– Ваша Честь! Я протестую! – повысил он голос, – Обвиняющая сторона вновь пытается навязать следствию свою версию.

– Протест принят, – согласился судья, – Господа присяжные заседатели, прошу вас не принимать в счёт только что высказанное обвинителем. Обвинитель, повторно прошу вас воздержаться от предположительных высказываний подобного рода. Иначе, я отстраню вас от процесса. Продолжайте по существу.

– Да, ваша честь, – согласился Соев с замечанием и резко повернулся к обвиняемому, – Скажите, господин Кравцов, пустая пачка от таблеток, найденная в вашей квартире при обыске, часто оставлялась вами дома?

Николай замотал головой:

– Никогда. Снотворное всегда было при мне, где бы я не бывал. Даже дома, выпив лекарство на ночь, я всегда убирал упаковку обратно в свой дипломат.

– Почему такая осторожность?

– Я люблю порядок, – объяснил Николай, – А у Ларисы всё всегда терялось. У ей по дому то тут, то там постоянно валялись всякие лекарства: женские пилюли, от головы, от температуры.

Соев согласно закивал на такое объяснение, но о милости речь не шла, поэтому он продолжил сухим голосом:

– И ваша жена знала о том, где вы прячете снотворное?

– Конечно знала, – для Кравцова было бы странным что-то прятать в доме. Но Соев снёс утверждение не на счёт аккуратности подозреваемого, а скорее на обычное согласие. Голос адвоката был все также бесстрастным, методичным:

– И вы утверждаете, что в тот вечер, приняв снотворное, положили его обратно в ваш дипломат, а дипломат закрыли на ключ?

Кравцов кивнул, не думая:

– Да. Я закрыл дипломат, а ключ положил в карман пиджака.

– А потом, по вашему утверждению, когда вы уже спали, ваша жена, очевидно, взяла ключ из пиджака, открыла им дипломат, достала оттуда лекарство, закрыла дипломат и положила ключ обратно в пиджак? – при каждом предположении адвокат обвинения загибал по пальцу.

– Скорее всего, – Кравцов понимал что тон, каким Соев перечисляет порядок действий Ларисы, ставит под сомнение сказанное, но добавил, – А как могло быть иначе?

– Как могло быть иначе, нам еще предстоит выяснить, – резко обрубил Соев, заставив Кравцова вздрогнуть. Но тут же он продолжил, уже почти мягко, – А вас я хотел бы спросить вот о чём: не кажется ли вам странным, что при экспертизе милиция не обнаружила отпечатков пальцев вашей жены на ключе вашего дипломата?

Задавая вопросы, Соев имел привычку смотреть прямо в глаза опрашиваемого. Он то подходил к нему совсем близко, если вопрос мог помочь адвокату завести жертву в тупик, то отходил подальше, когда значимость ответа была промежуточной и не столь существенной. Сейчас, спрашивая про отпечатки, Соев отошел от стойки с подсудимым почти в другой конец зала суда, к барьеру, за которым находились члены присяжной комиссии, и оттуда вёл опрос, оперевшись одной рукой на барьер. Те, кто был знаком с манерой работы Соева, могли не сомневаться в том, что он предвидит ответ обвиняемого.

Кравцов этой тактики Соева не знал. Тем не менее, он уже слышал от Рябова про наличие отпечатков пальцев Ларисы на его дипломате и их отсутствие на ключе. Поэтому вопрос не поставил его в затруднение.

– Не кажется, – устало выдохнул Кравцов, – Я сразу же объяснил это милиционерам, которые пришли к нам. Когда я увидел около Ларисы пустую пачку от снотворного, я побежал к дипломату. Я хотел проверить осталась ли там моя, другая пачка. Я открыл дипломат ключом. Посмотрел. Пачки там не было. А отпечатки Ларисы я, наверное, замазал своими пальцами. Ключик-то маленький.

– Конечно-конечно, – поспешил согласиться Соев, не желая потерять какую-то пронзившую его мысль, – Вы открыли дипломат, убедились, что лекарства там нет, и побежали звонить в милицию. Разве вы не понимали, что только что стёрли, возможно единственное доказательство собственной невиновности? – теперь Соев подошёл к Кравцову поближе, а в его голосе зазвучала издевка.

Кравцов посмотрел на всех с прежней растерянностью во взгляде:

– В тот момент я не думал ни о каких доказательствах. Я не понимаю, чего вы от меня хотите? – взмолился он, глядя на Соева, – Ведь отпечатки пальцев Ларисы остались на ручке дипломата и на его крышке.

– Да-да, конечно, – Соев вновь оставил без внимания последние слова Кравцова. Он наверняка знал об осведомлённости защиты о результатах следственных экспертиз. В его задачу, как адвоката обвинителя, не входило обнародовать эту осведомлённость, нет, его обвинение базировалось на способности уловить малейшую слабость в речи подозреваемого, позволяющую подмять его под себя. Соеву показалось, что он вдруг нащупал именно такую деталь, и он теперь собирался придать ей более значимый вид:

– Скажите, господин Кравцов, а почему вы только что сказали, что поспешили открыть дипломат для того, чтобы убедиться, что ваша жена использовала именно вашу упаковку? Разве, найденная пустая пачка, была не единственной, имеющейся в квартире на момент несчастного случая?

Предположение Соева было столь неожиданным, что подозреваемый растерялся. Он беспомощно посмотрел на своего адвоката, затем протяжно на бывшую жену, потянулся к стакану, отпил. Потом, отложив в сторону беспощадно истеребленный платок, вытащил из пачки новый, промокнул им лоб, после чего проговорил совершенно сухим голосом:

– Найденная пустая упаковка была в доме единственной. Такие лекарства впрямь не выдаются.

Казалось, Кравцов был в замешательстве. Закончив фразу, он тяжело выдохнул, опустил глаза в барьер и замолчал. Это было именно то, что могло стать триумфом его, Соева, успеха, переломным моментом в следствии, идеей, которая раньше не приходила ему в голову в том виде, в каком пришла сейчас. Задохнувшись от внезапности догадки, Соев на мгновение углубился в вихрящиеся мысли, из-за чего именно на это время потерял руль управления допросом. Мига хватило для того, чтобы Рябов, считавшийся также далеко не последним профессионалом, включился в игру.

Спасительный глас адвоката защиты прорвался в зал именно в тот момент, когда в нём повисло всеобщее молчание:

– Господин судья, позвольте дополнить ответ моего подзащитного существенным замечанием. У меня по этому вопросу имеется справка из аптеки, в которой мой клиент покупал лекарство. В ней говорится что, я цитирую: «... порядок отпуска препарата был осуществлен без нарушения норм предписания.» Справка датирована двадцатым января. Эта же дата стоит на очередном, обновлённом предписании психотерапевта. В нём четко указано, что отпуск лекарства должен производиться с периодичностью, не превышающей одной пачки лекарства в неделю. Иными словами, двадцатого января сего года мой подзащитный купил в аптеке только одну, одну единственную пачку «Барбамила».

Рябов поднес к столу судьи имеющееся доказательство.

Столь несвоевременное вступление коллеги явно не входило в планы Соева. Оценив его дедуктивные способности, адвокат потерпевшей стороны ухмыльнулся и внутренне отругал себя за преждевременную успокоенность.

«Похоже, что этот процесс не поднесут мне на серебряном блюде», – подумал Соев и нахмурил лоб. Нет. Ему ещё предстоит борьба. И не исключено, что примет она острый характер. У Соева было интуитивное предчувствие на это. Что, впрочем, только лишь подстегнуло его. Теперь, уже практически зная, что за ответом обвиняемого кроется какая-то тайна, он решил дожать его морально и, подойдя совсем близко к барьеру с Кравцовым, резким голосом задал очередной вопрос:

– Господин Кравцов, скажите в таком случае, когда вами была куплена предыдущая упаковка?

Подозреваемый растерялся:

– Я не совсем уверен, но мне кажется в конце декабря. Да, точно, в конце декабря, – подтвердил он тут же, – В последнее время сон мой налачился, и я не особо нуждался в снотворном, – для убеждения Николай посмотрел на своего защитника. Тот был спокоен. Это передалось Кравцову, – Во всяком случае, если вам так необходимо, вы можете узнать это в моей аптеке, – добавил он уже совершенно безразличным тоном.

Соев почувствовал это, ибо в его следующем заявлении промелькнула тень недовольства ходом допроса. Но в то же время догадка, осенившая его до этого, теперь переросла в уверенность и подсказала Соеву ту основную линию, по которой он должен был продолжать спрашивать. Именно эта линия теперь выстраивалась в его мозгу, требуя времени на формирование.

У Соева этого времени было крайне мало. Он мог, конечно, отказаться сейчас от дальнейшего допроса, попросить продолжить его позже. Но это было ему не на руку. Как опытный адвокат, он знал, что всё хорошо в своё время. Позже мысль не сформируется столь удачно и нападение не будет столь неожиданным. Вот почему, на свой страх и риск, поторопился атаковать.

– Я проверил: двадцать шестого декабря, – кивнул Соев на предложение подозреваемого. Достав, в свою очередь, документ, подтверждающий его слова, он тоже передал его судье. Этой лёгкой заминки хватило, чтобы его подозрение к нужной детали превратилось в веское представление картины вины, которую он и принялся вырисовывать сейчас. – В первый раз вы купили лекарство как раз тогда, когда оно было вам предписано. А именно: в начале ноября. Исходя из того, что каждая пачка содержит по шесть таблеток, а также вашего признания в том, что в течение ноября вы нуждались в приеме лекарства ежедневно, врач выписал вам предписание сроком на месяц. За это время вы, действительно, регулярно приобретали «Барбамил» в аптеке каждую неделю. А именно: до двадцать шестого декабря вы купили в аптеке четыре упаковки лекарства, дозированного по ноль одному грамму. Затем, с пятого по двадцать шестое декабря, вы лекарство не принимали. А двадцать шестого декабря снова побывали у врача и попросили предписание на одну пачку. Третьего января вы улетели в Германию и вернулись оттуда десятого января. За эту неделю, как я понимаю, вы лекарство не употребляли тоже. Если верить вашим чистосердечным признаниям, данным только что, то сон ваш улучшился?

Кравцов в ответ кивнул.

Соев улыбнулся:

– Еще бы! Учитывая, что вы провели целую неделю с бывшей женой, да ещё в Германии...

Не обращая внимания на пошлые намёки, Кравцов только сильнее сжал в руке платок, чтобы не сорваться и не нагубить.

Соев, не спровоцировав реакции, продолжил:

– Итак, с третьего по двадцатое января всё у вас было хорошо. А двадцатого вдруг опять возникла необходимость в снотворном. Странно! За день до прилета в Москву вашей бывшей жены и за два дня до смерти нынешней. Что так? Угрызения совести? Излишняя нервозность?

Кравцов от волнения широко раздул ноздри. Он старался не глядеть на противного адвоката:

– Второе.

– Допустим. Да и не это интересует меня в данном случае.

Соев посмотрел на подозреваемого жестким взглядом. Зал нетерпеливо зашевелился, ожидая пояснения. – Мне кажется подозрительным, что покупка более сильного лекарства пришлась именно на период, во время которого ваша жена Лариса Фёдорова была отравлена? И сейчас мне очень хотелось бы знать: случайность ли это, как сказали вы, или же преднамеренная хитрость будущего убийцы, как думаю я?

Глаза Соева сузились до максимума, оставив на лице лишь две маленьких щелочки. Услышав последний вопрос, Кравцов заморгал глазами. Его адвокат буквально сорвался с места.

Но, едва заметив реакцию коллеги, Соев, не давая ему даже открыть рот, тут же осадил голос и повернулся к судье:

– Ваша честь, я прошу не принимать, сказанное мною, за обвинение, а всего лишь за умо-
заклучение.

Голос его звучал почти невинно. Все-таки он был очень силен, этот Соев! Услышав его просьбу, Рябов сел и беспомощно покачал головой. Не зря все адвокаты, которым уже приходилось сталкиваться с Соевым как с оппонентом, предупреждали об этом. Силен! И ничего тут не попишешь. Хотя и использует неразрешённые приемы воздействия на мнение окружающих, но как использует! И в какой момент! Рябов не мог не признать, что схематическое описание

хода действия, только что предложенное Соевым на рассмотрение, а еще вернее на обсуждение, явилось для защиты ударом ниже пояса.

– Ваша Честь, это очередная провокация! – отчаянно усмехнулся Рябов.

– Ваша Честь, повторяю, это всего лишь умозаключение, не лишённое, как мне кажется, логического смысла, – настоял на определении Соев.

– Подозреваемый, отвечайте! – кивнул судья.

Николай тяжело поднялся:

– Никакого злого умысла я не имел, господин судья. Как я уже сказал, я купил другие таблетки потому, что в аптеке не было «Барбамила» по ноль одному грамму. Ни о чём плохом я не думал.

Объяснение Кравцова получилось спокойным, почти равнодушным. По виду молодого мужчины было заметно, что он устал. Ему надоело постоянно сосредотачиваться на въедливой речи крючковатого Соева, то и дело норовящего загнать его в угол. Гораздо больше Николаю хотелось сейчас спуститься со своего лобного места, пройти в зал и сесть на скамью рядом с Анной. Он представил, как сможет, как когда-то, склонить голову к её плечу и поведать ей обо всех своих горестях. От подобных мыслей Кравцову вдруг показалось, что он издалека чувствует травяной запах, исходящий от её волос. Подобная отчужденность обвиняемого от процесса и его возникшее безразличие скрежетом прошли по самолюбию Соева. Адвокат понял, что внезапность наступления хороша лишь при планомерной подготовленности. Сегодня ему не удастся вот так, сразу, добиться от Кравцова капитуляции. Но, всё-таки, Соев был уверен, что только что одержал пусть маленькую, но ту самую нужную победу, которая впоследствии поможет ему выиграть процесс. Он это почти знал. Единственное, что смущало адвоката, так это столь «спокойное» возмущение Рябова.

«Либо у него есть какое-то веское опровержение, либо он не желает заострять внимания на сути дела, – подумал Соев. При полной тишине и внимании зала он прошёлся по судебной площадке, погружённый в свои тайные мысли, и вновь остановился у барьера с подозреваемым. Для того, чтобы понять поведение противника, ему было необходимо копать в нескольких направлениях, – Хорошо, отложим вариант с дозировкой лекарства на потом», – решил он.

Адвокат обвинения вернулся к своему столу и крупным размашистым почерком что-то написал в своём блокноте.

«Вот и ладно, – принял это отступление Рябов, – Будет теперь и у нас время, чтобы собраться с мыслями.»

Только что, до этого, когда Соев задал вопрос о преднамеренной хитрости, Рябов заметил в глазах Николая испуг. Ему показалось, что есть у его подзащитного какая-то тайна, в которую он, его адвокат, не посвящен. Лихорадочно соображая, что делать дальше, Рябов машинально записал в своем блокноте фразу Соева о невозможности доказательства употребления Кравцовым всех предыдущих таблеток снотворного.

«Надо будет потом об этом спокойно подумать», – решил Рябов, откладывая отработанные документы на угол стола.

Понимая, что сегодняшний день не способен уже ничего изменить, Соев елеинно улыбнулся Кравцову издалека:

– Господин Кравцов, давайте на время отставим разговор о лекарствах и перейдем к более приятной теме. Расскажите как вы познакомились с вашей бывшей женой Анной Керман?

Несмотря на то, что Рябов неоднократно предупреждал Николая о возможности подобного вопроса, теперь, услышав его, Кравцов болезненно сморщился и вымученно посмотрел на Анну, словно заранее испрашивая для себя извинения за вынужденное предстоящее откровение. Зал, и до этого сидевший тихо, и вовсе замолк и насторожился. Кравцов грустно посмотрел в неизменно уставленные на него карие глаза и тяжело вздохнул. Ох, как непросто было

ему оправдываться перед всей этой чужеродной людской массой. Анна Керман, словно поняв его мысли, в ответ тоже вздохнула.

Глава третья: Второй день суда. август 1997

Самый разгар августовского послеобеденного жарева никак не повлияли на активность прибывших во второй день суда. Бегло осмотрев зал, адвокат Рябов подметил, что людей сегодня на процессе присутствует больше, чем их было вчера.

«Пресса добилаась чего хотела», – недовольно хмыкнул он про себя.

Процесс действительно явно не оставался без внимания: утренние городские газеты вовсю описывали вчерашний день, ударив по имиджу Кравцова. Не вдаваясь в подробности личной жизни подозреваемого, в кучу были смешаны многие факты его биографии. В результате, на страницы вышло неблагоприятное попурри в котором Николай, бросив жену Керман, сразу женился на её подруге Фёдоровой, которая затем погибла при странных обстоятельствах. Моральные устои Кравцова определялись двумя словами: дикий эгоист.

Зная, что сегодня первое слово предоставлено ему, Рябов подготовил свою речь так, чтобы прежде всего опровергнуть мнение, навязанное газетой. После открытия слушания секретарём, адвокат, не садясь, спокойно вышел на середину зала и направил взгляд к присяжным заседателям.

– Уважаемые господа! После того, как вы слышали вчера откровенный и достаточно подробный рассказ моего подзащитного, позвольте мне сейчас предоставить на ваше рассмотрение ещё несколько фактов из биографии Николая Кравцова. А также несколько доказательств, свидетельствующих, по моему усмотрению, о его невиновности.

Рябов начал глубоким грудным голосом, полностью соответствующим его внешности. Маленький крепыш, облачённый в натянутую на животе черную суконную рубашку, напоминающую мантию судьи, он, когда молчал, был выражением лица настолько незатейлив, что походил скорее на простого работягу у плотницкого станка, нежели на благородного представителя правосудия. Не было в нём ни смелости и решительности, присущих героям этой профессии, созданных образами кинематографии, ни хитрости и сноровки, сквозивших в каждой мимике и каждом жесте, например, его оппонента Соева. Руки Рябова, во время всего вчерашнего заседания умиротворённо сложенные на столе горкой одна на другой, и вовсе казались руками усталого сельского труженика; настолько они были лопасти и грубы. Всё это, вместе с его причёской, коротко остриженной и тщательно уложенной, но то там, то здесь выбивавшейся из строгого уклада несколькими кучерявыми прядями, придавало адвокату вид недотёпы.

Теперь же, когда Рябов заговорил, спокойно и внятно проговаривая каждое слово, за его речью почувствовалась уверенность, даже успокоенность. И чем больше адвокат объяснял, тем сильнее росла в слушателях именно эта убеждённость в профессиональной компетенции. Даже Соев, до сегодняшнего дня наблюдавший за Рябовым с лёгкостью и небрежностью, молчаливо закусил губу. Подперев кулаками подбородок и сосредоточившись, Соев слушал, не отвлекаясь на сей раз на собственные мысли.

– Повествование Николая Кравцова о его жизни и состоянии души на момент событий, развернувшихся в деревне Серебрянке девять лет тому назад, можно расценивать двояко, – проговорил Рябов литературным текстом, – Одни, симпатизирующие ему, думаю, поверили Николаю и почувствовали в нём те самые простоту и откровенность, которые, лично для меня, являются решающими при определении характера человека. Другие, настороженные и жаждущие найти в случившейся истории всё-таки виновного, наверняка засомневались в том, не прячется ли за простотой деревенского жителя, коим по сути и является мой подзащитный, коварство и расчётливость, способные завести правосудие в тупик. Но не будем сейчас гадать о том, каких мнений: положительных или отрицательных, в этом зале больше. Уж, коль скоро, моя роль – защищать этого человека, – Рябов указал на Кравцова, смотревшего на него с полной

преданностью, – я должен сообщить вам ещё кое-что, что поможет мне. А именно: вот здесь, перед вами находится подробная запись показаний, данных мне отцом Ларисы Фёдоровой, господином Николаем Александровичем Фёдоровым. По причине тяжёлой болезни, он не может в данный момент присутствовать в зале. Поэтому, я вынужден прибегнуть к его письменному заявлению.

Рябов вернулся к столу и взял из рабочей папки кипу листов, отпечатанных на машинке мелким шрифтом. Показания, о которых он говорил, были предоставлены в двух экземплярах. Один из них Рябов спокойно положил на стол перед судьёй. Второй, явно проработанный, судя по многочисленным красным пометкам, видимым даже на расстоянии, взял себе. Быстро пробежав глазами по написанному и найдя то, что ему было нужно, Рябов поднял палец:

– Прежде всего, я считаю необходимым ввести вас в курс нашего разговора. Затем зачиту вам дословно то, что считаю важным. И, наконец, после этого сделаю несколько комментариев к зачитанному.

Итак, мой разговор с господином Фёдоровым состоялся сразу после смерти его дочери. Речь шла об отношениях между Ларисой и Николаем Кравцовым в период, приходящийся на август тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Подчёркиваю, что господин Фёдоров, не состоящий в браке с матерью Ларисы Ольгой Антоновной Фёдоровой с тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, искренне любил свою единственную дочь и, несмотря на развод, был достаточно близок со своей бывшей семьёй. В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, когда свадьба Ларисы и Николая Кравцова не состоялась, Николай Фёдоров сказал, здесь я зачитываю: «... что был не особо этому удивлён. Я даже считал, что для Ларисы это будет гораздо лучше.» На вопрос «почему», ответ был, зачитываю вновь: «... они были разными. Очень разными. Ларисе всегда нравились ребята весёлые, шумные, такие, какой она была сама. Он же, Николай, был по натуре молчуном и домоседом; веселья и развлечения не любил и всячески препятствовал дочери ходить по компаниям и тратить деньги на удовольствия. Я сразу сказал, что он – жмот и скупердяй, и подозревал, что он Ларису не любит.»

На мой вопрос: «Как вы считаете, любила ли в свою очередь Николая Лариса?», господин Фёдоров ответил следующее: «Не знаю. У молодых теперь всё по-другому. В понятии дочери любовь, как чувство, уже давно изжило себя. Мы спорили, я убеждал её, что любовь существует не только в книгах. Но дочь отказывалась этому верить. Она говорила, что для нормальной жизни женщине, в её возрасте, нужны муж и семья. Она видела в Николае хорошего семьянина, считала, что он будет любить своих детей, и думала, что этого достаточно, чтобы быть в браке счастливой. А когда я просил её подождать с поспешными выводами, Лариса смеялась мне в лицо, предупреждала, что она уже приняла решение о свадьбе. Мне дико было это слышать. Я говорил ей, что сама по себе семейная жизнь не проста. А если, к тому же, её строить исключительно из прагматических соображений, то и вовсе ничего хорошего из этого не получится. Но Лариса припоминала мне мою собственную семейную жизнь, построенную на любви и всё-таки неудавшуюся. Она говорила, что Николай очень важен для неё, что она не мыслит жизни без него, но тут же учила, что замуж нужно выходить с трезвой головой.»

– Это ли не расчётливость, уважаемые господа? – Рябов снова поднял палец по ходу чтения и продолжил, – «Лариса была абсолютно убеждена в том, что ей хватит и того, что Николай будет относиться к ней с уважением, должным её положения жены. Кстати, её мать, моя бывшая жена, в этом её только поддерживала. Я бы даже сказал, что это именно она внушала Ларисе весь тот цинизм, с каким наша дочь представляла себе своё семейное будущее. Я всегда чувствовал, что это закончится плохо.»

На очередной вопрос «почему» господин Фёдоров ответил чётко и логично, и я прошу судей зафиксировать именно эту часть показания. Итак, Николай Фёдоров ответил: «Николай должен был догадываться о том, что он – всего лишь хорошая партия для моей дочери. Ни один человек в мире не может не понять, что он не любим. Даже если бы это произошло после

свадьбы, развод был бы неизбежен.» – Рябов шумно набрал воздух в лёгкие и изрёк, завершая, – Отсюда, уважаемые господа, для меня, как человека с исключительно несовременным, даже утопическим складом, и потому верящего в любовь, понятно, что уже в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, будучи ещё только знакомой с Николаем и собираясь выходить за него замуж тогда, Лариса Фёдорова не испытывала к своему избраннику никаких сильных чувств. И, как совершенно правильно предполагал это господин Фёдоров, однажды Николай Кравцов понял это. Понял, повстречавшись с другой. Понял и не захотел быть в роли «удачного кандидата в мужа».

Адвокат Рябов замолчал, пробегая взглядом по рядам слушателей. Они переваривали услышанное каждый по-своему и каждый по-своему находили этим объяснениям нужное место в своих сердцах и умах.

Соев, затаившись во время зачитывания показаний, неожиданно встал и попросил у судьи слово. Поддерживая ногтем большого пальца листок со своими пометками, он, не глядя в него, но зная наизусть то, что нужно было знать, заговорил:

– Уважаемый суд и уважаемые господа присяжные заседатели! Я хотел бы задать вопрос, возникший у меня спонтанно по ходу показаний моего оппонента.

Судья, с согласия Рябова, кивнул.

– Я не буду обвинять моего коллегу в искусной редакторской выборке фраз, которая вылилась в своеобразный коллаж и составляет, скорее, отрицательное мнение о чувствах Ларисы. Я, имея данные показания, если бы и взялся за составление морального образа потерпевшей, то всё-таки не преминул бы заметить, что девушка не раз признавалась своему отцу, что она искренне привязана к Николаю, и что ни за что на свете не хотела бы потерять его. Эти слова, как вы слышали, тоже фигурируют в показаниях Николая Фёдорова. Но я ни в чём не обвиняю моего коллегу. В конце-концов, наша адвокатская роль и состоит в том, чтобы защищать интересы своих клиентов, выискивая слабые стороны противника. – Соев слащаво улыбнулся деланной улыбкой. Молчание Рябова на его примечание призывало продолжить вторжение:

– Так вот, не оправдывая Ларису, я всё-таки хотел бы спросить у суда, у вас всех: если посторонний мужчина, коим являлся в отношениях молодых отец Ларисы, смог понять, что его дочь не любит своего избранника, то почему же сам господин Кравцов, будучи со своей невестой, судя по его собственным заявлениям, не только в платонических отношениях, не дошёл до этого понимания? Как правильно заметил Николай Фёдоров, очень трудно не почувствовать, что ты – не любим. К тому же, в своём вчерашнем признании Николай Кравцов рассказывал нам о своих сомнениях по поводу чувств Ларисы. Он догадывался об этом ещё до того, как привёз Ларису в Серебрянку для знакомства со своими родными. Он, похоже, даже знал это до того, как познакомился с Анной Керман. Знал, догадывался, но, тем не менее, не отказывался от Ларисы. Почему? Почему? Да не потому ли, уважаемые господа, что и сам он хотел тогда жениться на Ларисе исключительно преследуя определённую цель, думая об определённой выгоде. И уж если до конца рисовать моральный облик двух героев нашего печального романа, то кто из них был более корыстен и скрытен: Лариса, прямо и откровенно признававшаяся отцу в своих взглядах на брак, взглядах, прямо скажем, своеобразных, но при этом искренних; или же Николай Кравцов, ничего никому не объясняющий, но тихо и верно идущий по намеченной дорожке прямо к браку, сулящему ему определённые выгоды? Так не в этой ли тихой выгоде, зарождённой в этом человеке, – Соев безжалостно ткнул пальцем в сторону Кравцова, не устаивая его взглядом, – кроется основная разгадка событий, развернувшихся не тогда в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, а позже, через девять лет? Событий, приведших Николая Кравцова к повторному, всё так же выгодному ему браку, а Ларису Фёдорову к смерти!

Соев закончил свой вопрос патетическим крещендо. Зал, молчавший до этого, моментально загудел и зашикал. Большинство присяжных заседателей принялось что-то записывать в свои блокноты. Довольный собою, Соев отошёл к столу и сел, поглядывая с хитрецей на Рябова. Соев знал, что своим вопросом свёл на «нет» все предыдущие усилия коллеги по созданию образа его подзащитного.

«Классический пример», – мысленно улыбнулся он, думая о том, как Рябов сможет выпутаться из сложившейся ситуации.

Рябов кинул на коллегу уважительный взгляд: «Не зря мне говорили, что Соев – мастер внезапных мизансцен, – защитнику сиюминутно пришли на память несколько примеров из учебников по адвокатуре, связанных с рикошетной перестройкой имиджа подзащитного, – Вот так из безвинной овцы делают козла отпущения», – ухмыльнулся он.

Поднимаясь и поправляя длинную рубашку, явно жавшую ему, Рябов дождался спокойствия в зале. Подойдя к столу Соева всё с тем же листом, он хмыкнул:

– Конечно, дорогой оппонент, ставя вопрос таким образом, вы попадаете в десятку: Лариса Фёдорова бесчувственная, но искренняя, Николай Кравцов хитрый и безжалостный. К сожалению, практика показывает: так обыграв вопрос, редко когда можно вот так же сразу найти на него ответ. Для того, чтобы разрешить столь сложные взаимодействия, как личные отношения двух людей, необходимы факты. Позвольте же мне продолжить мою защиту, оперируя ими. Я зачитаю вам сейчас ещё один фрагмент показаний господина Фёдорова, который, на мой счёт, если не поставит точки над «и», то хотя бы наметит их.

«– В каком настроении вернулась ваша дочь из Серебрянки после первого знакомства с роднёй Николая Кравцова в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году?». – Так звучал мой вопрос к Фёдорову.

– Она приехала крайне возбуждённая, совершенно недовольная поездкой, ответил Фёдоров, – Долго ругала деревню и уверяла меня, что никогда больше не поедет туда. Она даже плакала, упрашивая помочь устроить Кравцова работать на фирму моего знакомого. Я успокаивал её, обещал сделать всё, что в моих силах. Я даже предлагал Ларисе заняться этим тут же, срочно вызвать Кравцова из деревни. Но дочь попросила меня подождать с официальным трудоустройством до тех пор, пока Кравцов не станет её мужем.»

Рябов отнял взгляд от листов и сделал мощную театральную паузу. Публика в зале затрепетала от нетерпения. Радостно поняв, что ему удаётся держаться на ораторской волне, адвокат защиты выдохнул:

– Какой шантаж! Какая расчётливость: или он женится на мне, или я не буду помогать ему устраивать свою жизнь. Весьма странное проявление искренности чувств, не правда ли? Необычное доказательство доброжелательности по отношению к избраннику. Что же касается того, что Кравцов вёл долгую тактическую борьбу, ожидая помощи от Ларисы, то напомню вам вчерашний рассказ моего подзащитного. Он признался нам, что своё решение не жениться на Ларисе принял ещё до того, как Лариса уехала из деревни. Напомню также, что о работе в Москве Лариса впервые заговорила будучи уже в Серебрянке и именно тогда, когда поняла, что Николай хочет там остаться. Опять же, Лариса Фёдорова не захотела даже и слышать о том, чтобы разделить судьбу своего избранника или как-то поддержать его в своём выборе. Нет. Нет. Нет, уважаемые господа! Это совсем не то, что зовётся любовью. И никакие убеждения в том, что за подобной обеспокоенностью Ларисы за судьбу избранника скрывалось искреннее чувство, не заставят меня переменить моё мнение о ней. Я уверен, что с самого начала знакомства Фёдоровой и Кравцова, их отношения даже частично не были похожими на те, которые поглотили Николая Кравцова при встрече с Анной Керман. Это была не любовь...

Рябов неожиданно оборвал свою речь и замолчал там, где никто этого не предполагал. Голос его, только что звучавший под сводами зала низко и убедительно, замер на самом полном вздохе так, словно сорвался голос у актёра, забывшего слова монолога. И от этого аудиотрёх-

точия, предусматриваемого вслед за собой дальнейшие самостоятельные рассуждения, сидящие в зале насторожились. Последние слова, сказанные Рябовым и так чётко запечатлённые в головах слушателей, словно до сих пор ещё звучащие, и стали тем основным мотивом, что следовало подхватить и запомнить. «Это была не любовь». И этим было сказано всё. Подписано оправдание всему тому, что последовало в жизни Кравцова потом. То, что раньше вменялось ему в вину как предательство, теперь, благодаря сказанному, предстало очевидным желанием Николая найти правду жизни, испытать настоящее чувство. И хотя ещё никто из слушателей дела, пришедших в зал, не знал о том, как именно развернулись события в жизни людей, связанных заколдованным треугольником чувств, подсознательно их симпатии перекинулись на сторону подозреваемого, превращённого теперь словами адвоката в потерпевшего.

Никогда ещё Рябов не ощущал с такой силой оаций, исходящих от продолжительного молчания зала. Тихо и незаметно, так, чтобы не помешать слушателям мысленно разбираться в возникших эмоциях, адвокат защиты подошёл к своему столу и, стоя, устало сложил руки горкой на животе. Если бы не необходимость далее вести процесс и не выразительный, испепеляющий взгляд Соева, то в этот момент Рябов больше всего хотел бы сесть, опустить лоб на руки и вот так, оперевшись, подремать. Но сейчас он не мог расслабиться. Взяв вожжи в свои руки и натянув их в нужном направлении, адвокат Рябов позволил себе лишь несколько глубоких вздохов, внося тем самым в тело нужное ему равновесие. Только на мгновение опустил глаза и отключившись от атмосферы зала, он сосредоточился, взял со стола многочисленные листы и вновь нашёл нужную ему испещрённую страницу. Взглядом получив от судьи разрешение на продолжение, Рябов заговорил снова:

– Уважаемые господа, как я уже сказал вам ранее, моя защита Николая Кравцова базируется исключительно на фактах, представленных в деле. Вчера, во время предъявления обвинения, мой коллега, адвокат Соев, поставил под сомнение непричастность господина Кравцова к смерти госпожи Фёдоровой, предполагая, что это именно он растворил снотворное в вине. Как вы помните, сразу по прибытии на место происшествия, следственная бригада обнаружила в зале на столе полупустой стакан с вином. Там же стояла недопитая бутылка и лежала пустая пачка от снотворного.

Вспомним, как настаивал мой коллега на уточнении количества выпитого обоими участниками событий. Именно он, именно вчера и именно как нельзя более в нужный момент проявил бдительность, выяснив, что из новой открытой бутылки Николай выпил чуть больше половины бокала. Посчитаем, что это составляет около ста пятидесяти грамм. Лариса при нём выпила один бокал, это – двести грамм. Найденная при обыске бутылка была вместимостью в семьсот пятьдесят грамм. Значит, в ней должно было оставаться примерно пятьсот грамм. А при обыске в ней было обнаружено всего около ста пятидесяти. Куда же подевались ещё триста пятьдесят? Мой подзащитный о них ничего не знает. А вместе с тем, он должен был бы про это знать. Ведь если убийца – он, то по обвинению, предъявленному коллегой Соевым, именно в это вино Николай Кравцов должен был бы бросить пять таблеток «Барбамила», а потом налить вино из бутылки в бокал. Думаю, каждый сидящий в этом зале, согласится с моими рассуждениями.

Что же тогда из них вытекает? А вот что. Сегодня утром я получил официальное подтверждение работников нашей следственной лаборатории. Не желая допустить неточность при зачитании показаний, я попросил одного из сотрудников этой лаборатории, профессора Зеленцова, объяснить нам почему участие моего подзащитного Николая Кравцова должно быть исключено из подозрений.

Рябов замолчал. Вытащив платок из карманов штанов, он утёрся. Возрастающая августовская жара и отсутствие кондиционера в зале мешали.

«Скорее бы уже закончить», – с некоторой завистью посмотрел он на Соева. Для того, с его сухостью телосложения, духота была менее пагубна.

– Попросите войти господина Зеленцова, – приказал главный судья милиционеру, охраняющему служебный вход.

В зал вошёл пожилой мужчина в сером, стандартном для служащих костюме, не меняемом годами и не снимаемом даже в самую невыносимую жару. На всём внешнем виде мужчины лежал чёткий отпечаток лет, проведённых в рядах советской милиции: от выправки до причёски. Коротко представившись суду, пожилой профессор уверенно выпрямился и приготовился к опросу. Рябов, заметив эту готовность, посмотрел на него с улыбкой, способной ослабить кого угодно, но только не такого опытного работника, как профессор:

– Уважаемый Пётр Семёнович, представьте нам, пожалуйста, детальное разъяснение проведённого вами анализа.

Зеленцов гыкнул, проверяя работоспособность своих голосовых связок, затем заговорил:

– После проведения сравнительного анализа по диссимилиации «Барбамила», работники нашей следственной лаборатории сделали следующие заключения. Я зачту, – профессор Зеленцов достал из кармана пиджака очки, надел их и зычным голосом принялся читать.

«Биохимическая экспертиза недопитого вина в бутылке количеством в сто восемьдесят граммов подтверждает, что суммарное количество растворённого в нём барбитурата составляло концентрацию почти пяти таблеток по ноль, запятая, два грамма на литр. Такая же концентрация обнаружена в недопитом вине в бокале. А вот суммарная концентрация препарата, обнаруженного в крови погибшей, соответствует концентрации растворённых трёх таблеток.» – Зеленцов оторвался от листа. Глядя на зал поверх толстых стёкол дальнотормозным взглядом, он добавил, – И это первое несоответствие: процентное содержание «Барбамила» в крови должно было быть выше или равно процентному содержанию препарата в вине, оставшемся в бутылке. Оно же оказалось наоборот ниже.

Рябов надел довольную маску:

– И какой из сказанного напрашивается вывод?

Профессор посмотрел на судью:

– С полной уверенностью можно сказать, что распределение барбитурата в вине выпитом и вине оставленном, было неодинаковым, что доказывает то, что сонный препарат был растворён отдельными порциями.

Судья кивнул, занёс пометку в рабочий лист. Секретарь заседания застенографировала сказанное. Зеленцов продолжил:

– Теперь, относительно обвиняемого Кравцова. Я имею на руках анализ его крови, который не оставляет сомнений в том, что в тот вечер Николай Кравцов принял одну таблетку снотворного «Барбамил» с концентрацией в ноль, запятая, два грамма, и принял его не менее чем на полчаса раньше, чем его отравленная супруга. Длительность действия «Барбамила» до наступления состояния сна определяется максимум пятнадцатью-двадцатью минутами. Значит, в момент, когда Лариса принимала свою дозу снотворного, Николай Кравцов скорее всего уже спал или находился в пограничном состоянии, какое бывает перед погружением в сон.

Последние слова профессора прозвучали под аккомпанемент жестикуляции адвоката Рябова. Волнообразные размахивания его рук напоминали движения дирижёра и уверяли зал лишь в одном: именно об этом заявлял вчера во весь голос его подзащитный. Именно этот вывод, сделанный профессором Зеленцовым, и умело подчёркнутый сейчас восклицательными взмахами, являлся одним из основных алиби для Николая.

– Пётр Семёнович, значит ли из ваших показаний, что Николай Кравцов физически никак не мог быть убийцей Ларисы Фёдоровой? – спросил Рябов у профессора, торопливо отделяя каждое последующее слово от предыдущего.

Вопрос, подведённый таким образом и поставленный вовремя, казалось, должен был тут же дополнить прежние усилия адвоката и определить, наконец, невинность подозреваемого. Вынося на публику своё окончательное решение, от которого в данный момент зависела

и жизнь и честь другого человека, Зеленцов сморщил лоб. Громогласным голосом служивого он чётко отрапортовал:

– Господа, основываясь на данных, только что зачитанных вам, могу предположить, что Николай Кравцов, скорее всего, не мог быть тем человеком, который двадцать второго января тысяча девятьсот девяносто седьмого года отравил Ларису Фёдорову.

Подполковник замолчал, давая понять, что его роль выполнена. Зал, в который уже раз за день, обожающе посмотрел на Кравцова. Сам подсудимый облегчённо вздохнул. Рябов сел на место, пояснив, что у него больше нет к свидетелю никаких вопросов.

Но в тот миг, когда, казалось, всё выяснено, и больше нет сомнений в том, что Николай Кравцов – честный человек, адвокат Соев вдруг поднялся и попросил со своего места право задать профессору Зеленцову всего один вопрос.

– Скажите, уважаемый коллега, – медленно и с затаённой мыслью в глазах обратился Соев к подполковнику, всё ещё стоящему у стойки показаний, – Почему сейчас, когда вы зачитывали результаты анализа крови убитой Ларисы Фёдоровой, вы сказали: «Суммарная концентрация препарата, обнаруженного в крови, равна примерно ноль, запятая, шесть грамм?» Почему «примерно»? Странное слово для точного анализа, не так ли?

– О, это легко объяснимо! – обрадовался Зеленцов внимательности адвоката, – Во-первых, показания могут быть заниженными из-за большого количества спиртного, присутствовавшего в крови отравленной. Алкоголь, в котором был растворён барбитурат, частично меняет его химическую структуру, и особенно при попадании в организм. А так как, до приёма лекарства, гражданка Фёдорова уже была сильно пьяна, это ещё больше усложнило нам задачу: определённое количество препарата просто разрушается алкоголем и химреактивом при анализе не обнаруживается. Кроме того, вполне допустимо, что по прошествии десяти часов с момента приёма препарата, какая-то незначительная часть его уже покинула кровь, осевши, например, в печени.

– Какой цифрой могут определяться расхождения? – Внешне Соев не проявлял никаких признаков разочарования. Наоборот, глядя на него, можно было предположить, что он полностью удовлетворён и самим процессом, и выводами, сделанными по его ходу.

Сняв очки окончательно, Зеленцов посмотрел на настырного адвоката без малейшего интереса:

– Расхождения в цифрах допустимы в пределах максимум ноль один, ноль два грамма вещества. В любом случае, в данном деле суммарные показания никак не могут быть меньшими, чем они определены.

Подполковник настойчиво подчеркнул сказанное, допуская, что адвокат может ошибаться в рассуждениях. Соев на это примечание лишь поблагодарил его. Убедительный вид адвоката доказывал его уверенность в правильности предположений, известных пока только одному ему.

«Что он ещё там задумал?» – тревожно подумал Рябов. Ему была совершенно не по душе тайная стратегия оппонента.

Отвлекая внимание зала от Соева, Рябов пошёл к столу главного судьи, чтобы отдать ему окончательное заключение медицинской экспертизы, только что прокомментированное Зеленцовым. Едва лишь он положил бумаги, как в воздух буквально взвился голос Соева.

До выступления Рябова, Соев если не знал, то наверняка догадывался о том, что у защитника обвиняемого может быть справка медэксперта. Довольный самим собой за правильно вычисленные действия Рябова, Соев приготовился к очередному удушающему прыжку и поэтому, прежде чем начать говорить, ещё раз мысленно повторил свою речь. У него у самого было для суда кое-что такое, что он припас на последний момент.

Пока Рябов оправдывал своего подзащитного, Соев всё время перебирал в уме с какого именно факта начать ему обвинение. Несколько последних минут он уже практически не слушал ни оппонента, ни Зеленцова, нетерпеливо дожидаясь, пока они завершат.

– Господин судья! – обратился он к суду, используя паузу в речи Рябова, – Я вынужден по-прежнему не согласиться с доводами моего коллеги. Как бы то ни было, но всё-таки факт остаётся фактом: Лариса Фёдорова погибла от лекарства, растворённого в большой дозе в остатках вина, недопитого ею. Не будем забывать, что она погибла всего от ста пятидесяти граммов вина, с растворённым в нём ядом. Не будем также забывать, что у нас нет никакого стопроцентного доказательства того, что этот яд не был заранее приготовлен всё тем же Николаем Кравцовым, а уж выпить его Лариса могла действительно тогда, когда её обожаемый муж заснул, обеспечив себе алиби. И до тех пор, пока у суда нет никаких других опровержений вины господина Кравцова, невозможно, посредством только химического анализа крови, восстановить истинный ход событий того вечера. А потому, для меня Николай Кравцов по-прежнему может оставаться подозреваемым в смерти Ларисы Фёдоровой.

Соев призывал судей к вынесению приговора, основанного, в большей своей части, всё-таки на личностном восприятии представленных событий. Это было опасным ходом, в результате которого присяжным заседателям было так легко допустить ошибку в суждениях. Из всех возможных вариантов принятия решения по делу обвинения Николая, адвокат Рябов больше всего опасался именно такого поворота в процессе. Он знал, что в случае, когда у потерпевшей стороны нет конкретных улик для обвинения, а у защиты чёткого алиби для оправдания, решение суда может строиться на тех самых симпатиях-антипатиях к подсудимому, о которых он говорил ранее.

Понимая всё это, Рябов схватился за робкую теорию, сложившуюся накануне в его суждениях как тоненький ручеек. Не оказись ход процесса в тупике, Рябов ни за что не стал бы выдвигать её на обсуждение. Но сейчас, при данном повороте событий, ему было просто необходимо отбеливать образ своего подзащитного, прибегая к любым способам, пусть даже и не совсем этичным по отношению к погибшей.

Рябов встал напротив Соева, между ним и судьёй, и медленно заговорил, на ходу подбирая для защиты наиболее веские слова:

– Господин судья! Позвольте мне подробно опровергнуть данную версию адвоката Соева, – тяжело выдохнул он, почувствовав, как никогда ранее, как сильно жмёт ему рубашка, – Да, действительно, предположение моего коллеги не лишено разумного смысла. Но всё-таки, господин судья, заявление обвинителя на может быть принято во внимание. Ибо, рассматривая поведение Ларисы Фёдоровой в период, приходящийся на момент между тем, как она начала допивать оставшееся вино, и тем, когда она заснула, мы натываемся на два несоответствия. Признаюсь, что я, также как и господин Соев, проработал версию, при которой Лариса Фёдорова взялась допивать оставшееся вино с уже, допустим, растворённым в нём лекарством. Я даже обратился за консультацией к психотерапевту, работающему с алкоголиками. По его мнению, человек, находящийся в сильнейшем алкогольном опьянении, обычно преследуем манией допить, или, как говорят сами алкоголики, «добить» выпивку. Тогда вполне логичным явилось бы то, что Лариса Фёдорова, ничего не зная о снотворном, растворённом в вине, пила бы спиртное так, как пила до этого. Скорее всего, она так и сделала. Тогда объяснима недостача при подсчётах в триста пятьдесят грамм, недостающих в бутылке. Итак, Лариса Фёдорова вполне могла выпить в одиночестве целый стакан вина, а затем начать другой, который не допила. Почему? Возможно напилась. Такое бывает: ну не лезет больше. Что тут поделаешь? Нам это неизвестно. Зато вполне известно, и это первое несоответствие, что эти её действия не совпадают с действиями мнимого отравителя, который, по логике вещей, должен был просто-напросто налить вино в бокал, бросить туда сразу пять таблеток и уйти спать, будучи

уверенным, что Лариса сядет допивать. А он, получается, сидел рядом или следил за женой откуда-то, подсыпая таблетки разными порциями? В бутылку больше, в бокал – меньше...

Даже если учитывать, что Николай Кравцов в это время пока ещё не спал, вряд ли он смог бы провести целую серию столь последовательных действий, которые, и при нормальном-то состоянии, требуют значительной концентрации и ловкости, не говоря уже о том, что мой подзащитный находился на грани впадения в сон. Лично мне подобные рассуждения кажутся совсем нелогичными и несочетающимися с заявлениями экспертов. Так что, вероятнее всего, потерпевшая продолжала свой праздник в одиночестве. Почему же тогда она всё-таки не осилила начатый бокал? Что-то насторожило её? Вряд ли. Как сказал нам до этого господин Соев, она не могла почувствовать на вкус растворённое в вине лекарство, а значит, насторожить её было нечему. Тогда возможно, что Лариса Фёдорова не допила вино из-за того, что это вовсе не входило в её планы!? – Рябов настолько заметно повысил голос, что сидящие в зале выпрямили спины и ещё больше впились в него взглядами. Пройдя несколько шагов взад-вперёд по площадке перед трибуной судьи, Рябов, словно выйдя из собственных мыслей, опять заговорил спокойным глубоким голосом. – И вот тут, господа, на мой взгляд возникает второе несоответствие, которое находится в самой формулировке событий, обрисованных господином Соевым. Вспомните: Фёдорова отпила из налитого ей бокала с лекарством какую-то часть, после чего отставила бокал и заснула смертельным сном. Но! Во-первых, по заключениям всё тех же врачей, препарат «Барбамил» – это не цианистый калий, действующий мгновенно. А во-вторых, даже если сделать скидку на то, что Лариса Фёдорова отпила половину бокала уже находясь в состоянии сильного опьянения, то она могла бы свалиться, сморённая сном. Тогда она заснула бы здесь же, на кресле в зале, где пила. Её же нашли лежащей в другой комнате на кушетке в удивительно упорядоченном, привычном положении. Кроме того, рядом с кушеткой, на тумбочке, при обыске была найдена предсмертная записка, которую Лариса Фёдорова написала на удивление грамотно и связно для человека, пребывающего в сильном опьянении. Мне показалось подозрительной та точность в выражениях, с какой Лариса Фёдорова обвиняла своего мужа и его, как она пишет, любовницу, опять же, акцентирую, находясь в сильном опьянении. И тогда, господа, я догадался вот о чём. На самом деле Лариса Фёдорова скорее всего хотела только попугать своего мужа. Она догадывалась, что Николай не любит её. Догадывалась по тому желанию Кравцова помочь Анне Керман, какое он проявлял. Тогда Лариса, боясь потерять мужа, решила вызвать жалость к себе. Мы с вами уже слышали о том, как цеплялась она за Николая в первый раз, в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году, пытаясь при помощи отца устроить его на работу. Теперь, для того, чтобы удержать Кравцова, она решила разжалобить его. Лучшим способом для этого ей показалась инсценировка отравления лекарством. Зная, что в дипломате у Николая находится снотворное, она решила выпить его. Подложив на видное место свою, якобы предсмертную записку, Лариса вытащила из дипломата упаковку с лекарством. Припоминая, что её муж обыкновенно выпивал на ночь по одной, максимум две таблетки, она в то же время не знала какого количества лекарства требуется для того, чтобы спать долго, но при этом не умертвить себя. На расфасовку таблеток потерпевшая внимания не обратила. Действуя осторожно, но наверняка, она развела в бутылке три таблетки, налила вина выпила его, думая, что это и есть то безвинное количество, какое нужно ей. После этого, отставив бокал на столик, Лариса бросила оставшиеся две таблетки снотворного опять же в бутылку, налила немного вина в бокал, а затем спокойно прошла в третью комнату, легла на кушетку и заснула. Заснула мёртвым сном. Даже не подозревая, что игра в самоубийство закончится для неё действительно летальным исходом.

Рябов замолчал и, чувствуя сухость во рту, вызванную речью, поспешил к бутылке с минеральной водой. Поспешно сделав Николаю подбадривающий знак, адвокат налил в стакан воды и стал пить её. При полной тишине зала его глотки раздались, как бой курантов.

Глядя на его нетерпимую жажду, судья почувствовал как и у него язык прилип к нёбу.

– Объявляется перерыв на полчаса, – предложил он суду и, дождавшись пока секретарь заседания стукнул молотком по столу, поспешно вышел из зала.

Глава четвёртая: Неожиданный поворот в процессе

Заседание, продолженное через тридцать минут, без сомнений должно было нести характер всё той же упорядоченной борьбы между двумя адвокатами, при которой каждый старался бы дожать свою версию до конца и быть наиболее убедительным. На тот момент, когда главный судья объявил перерыв, положение Рябова являлось более надёжным, а его доводы более обоснованными. Во время перерыва Рябов объяснил своему подзащитному, что без видимых доказательств его вины суд, скорее всего, согласится на прекращении дела за отсутствием состава преступления, и на этом мучения Николая закончатся.

– Потерпите, Николай, – попросил Рябов и ободряюще сжал руку Кравцова выше локтя, – Осталось недолго. Я думаю, что сегодня же всё и закончится, и вас освободят.

– Вы действительно так думаете? – Кравцов не верил словам адвоката. Прошло уже более полгода с тех пор, как его взяли под стражу и держали в камере предварительного заключения. Жизнь в тюрьме была не только серой и безрадостной, но и опасной. До того как попасть туда, Николай несколько раз слышал, как обращаются с заключёнными и персонал заведения, и преступные обитатели. Все эти разговоры подтвердились на практике в первые же дни, облачив перед Кравцовым грубость и человеконенавистничество как одних, так и других. И если злость и безжалостность урок и бандитов могла быть хоть как-то объяснена, то пренебрежение и неуважение работников тюрьмы: от начальников до поваров, были совершенно необъясняемыми и неприемлемыми. И всё-таки, как позже понял Николай, приспособиться к существованию за решёткой, как-то свыкнуться и примириться с окружающими жестокими, безучастными лицами можно было и при таких отношениях. Гораздо невыносимее казалось выдерживать бытовые условия заключения. Открытые публичные туалеты и души, где любой мог осматривать тебя и потешаться над твоими естественными нуждами, засаленные, испачканные испражнениями матрасы, повсеместно кишасшие вшами, громоздкая, безликая столовая посуда, а вместе с ней и подаваемая безвкусная еда – всё это вместе взятое заставляло Кравцова страдать гораздо существеннее. К этому привыкнуть было нельзя. Вот почему, когда однажды Рябов спросил о том, чего ему больше всего хочется, Кравцов прямо ответил:

– Спокойно посидеть на толчке при закрытой двери.

– На унитазе, – мягко поправил адвокат, глядя на Николая с пониманием. Затем, заметив смущение мужчины, добавил, – Прошу вас, Николай, говорите: «посидеть на унитазе». Не надо причислять себя к тем, с кем вам приходится временно проводить свои дни. Вы – не преступник. А поэтому не уподобляйтесь прочим.

– Извините.

Кравцов опустил глаза и силился сдерживать дёргающиеся губы. В тот день он впервые почувствовал, что ему нельзя отчаиваться. Рябов был прав: он должен был верить в удачный для себя исход дела. Он знал, что есть ещё на свете дела и люди, которые ждут его. Он понимал, что ни за что не имеет права забывать о них. И вот теперь, услышав слова Рябова о возможном скором освобождении, с трудом силился это представить.

– Вы действительно так думаете? – переспросил Кравцов адвоката.

– Да, – коротко ответил Рябов, – У них нет никаких прав обвинять тебя. Поэтому не сегодня – завтра тебя освободят. Если, конечно, в ближайшие часы не всплывёт что-то такое, что было упущено из виду.

Рябов сморщил лоб, впадая в обширную мысленную яму обособленности. Он знал, о чём говорил. За время адвокатской практики он научился выжидать до конца и привык к тому, что при любом, даже самом стопроцентном алиби, всегда по ходу процесса могли найтись какие-то непредвиденные показания, свидетели, улики, ставящие весь ход дела совсем в другое русло и меняющие роли обвиняемых и обвинённых. Пройдя в зал после перерыва и с первого же мига

услышав торопливую просьбу Соева взять слово, Рябов напрягся, предчувствуя то самое недоброе. Внимательно всматриваясь в довольное, одухотворённое лицо оппонента, Рябов мучительно напрягся, пытаясь понять что же за доказательства тот успел раздобыть за те тридцать минут, что длился перерыв.

Получив от судьи разрешение, Соев вновь сорвался с места, сопровождая свою двигательную активность высоким фальцетом обращения.

– Уважаемые господа! – раздвинул он руки, словно желая охватить ими всё пространство зала вместе с сидящими в нём слушателями и судьями, – Я хотел бы представить вам свои соображения, которые, как вы понимаете, тоже базируются исключительно на фактах. Так вот, не далее как полчаса тому назад, мой оппонент и коллега господин Рябов доказал нам при помощи психоанализа, что Лариса Фёдорова никак не могла лечь спать, не допив оставшееся вино. Господин Рябов, добросовестно выполняя свою роль защитника, постарался отвести все подозрения от личности своего подопечного. Я, хотя и не был согласен с ним, преклоняюсь перед его трудом. Его мысль широка. Настолько, что питает не только самого господина Рябова, но и окружающих. Помните, в момент начала его рассуждений о том, почему Лариса Фёдорова не допила отавшееся спиртное, первое, что он сказал вслух, было: «что-то помешало ей...». Это замечание явилось очень ценным для меня. Что ж, бывает так во время суда, что две противоположные стороны – обвинение и защита, своими действиями помогают не только себе, но и подсказывают противнику. —Соев кинул мимолётную слащавую улыбку в сторону стола защиты. Никто не мог теперь упрекнуть его что он, когда этого требовалось, избежал панегирика и не захотел источать из себя хвалебной речи. Теперь они были с Рябовым квиты. Промашка каждого из двоих не проскочила незамеченной для оппонента. С опозданием Рябов дал отчёт последствиям своих слов. Он знал теперь, что Соев ни за что не упустит возможность помусолить тему о наличии помех. И даже если до этого времени у него не было какой-то определённой линии, то теперь подобный стимул вполне может вывести его на какой-то новый след. Возможно именно на тот, что вызвал странный блеск глаз Николая при опросе в первый день.

Чем больше Соев развивал теперь свою мысль, тем сильнее росло в Рябове прежнее убеждение в собственной неосведомлённости по ряду вопросов. Адвокат оказался прав: уже в следующий момент Соев предложил версию о том, что не что-то, а кто-то помешал Ларисе допить вино.

– Господин судья, я требую более конкретного подхода к делу, – выкрикнул Рябов с места, – Не кажется ли вам, что господин Соев опять пытается навязать суду свои пространственные догадки, используя всецело лишь оговорки коллег?

– Которые вполне могут превратиться в весьма щекотливые предположения, не правда ли? – воспротивился вмешательству Соев, тоже глядя на судью. Тот поспешно усадил Рябова жестом:

– Протест отклонён. Продолжайте!

На лице судьи впервые, с момента начала процесса, появилась профессиональная заинтересованность, вызванная на сей раз созревающей сенсацией, подготовленной Соевым. Будучи неоспоримым специалистом, судья, получив в своё распоряжение дело, с самого первого дня процесса откровенно скучал. Редкие моменты, заставляющие его напрягать внимание и сосредотачиваться, не доставляли ему истинного удовольствия и казались всё-таки неинтересными. Пропитавшись духом правосудия и жаждая дел, требующих полного профессионального чутья и компетентности, в данном деле судья не видел для себя каких-либо сложностей. Судить подобные дела мог бы какой угодно дебютант. Пока, до сего момента, весы правосудия находились в равновесии, при котором чаша невиновности подсудимого незначительно перетягивала чашу его вины. После того, как Рябов привлёк объяснения Зеленцова, судья действительно уже готов был к прекращению ведения дела за отсутствием состава преступления. Теперь же он почувствовал, что сюжет, закручиваемый Соевым, может вылиться в громкий неожиданный

скандал. Тогда разворот этого скандала ляжет на его судебские плечи, а правильно принятое решение добавит почестей и, возможно, повышения.

«Вряд ли Соев, с его опытом в делах, стал бы так просто интересоваться у специалиста о лимитах разброса данных анализа крови», – предположил судья. В предвкушении возможности поразмять застоявшееся чувство дидактического мышления, утерянное в вязкой трясине множественных банальных дел, он нетерпеливо устремил взор на адвоката потерпевшей стороны.

Рябов, почувствовав раздражение судьи, тяжело сел в кресло и затих. Его руки, сложенные горкой, принялись теперь тревожно шевелиться, сжимая пальцы и переминая кисти.

В противоположность ему, Соев, окрылённый вниманием, продолжил опрос, возбуждаясь при этом всё больше и больше. То отскакивая от стойки, за которой сидели присяжные заседатели, то вновь приближаясь к ней энергичными шагами, похожими на скачки, он ввинчивался голосом в каждую новую фразу. На его лице повисла улыбка, контрастирующая с острым взглядом хищника. Голос Соева перешёл на высшую ноту:

– Господин судья! Принимая во внимание просьбу моего коллеги придать делу конкретную форму, я хотел бы испросить у вас дозволения публично допросить присутствующую здесь гражданку Керман.

Судья удивлённо поднял бровь и перевёл взгляд на Анну, сидящую в первом ряду.

– В этом есть необходимость?

Соев активно закивал:

– Если учитывать, что три таблетки «Барбамила» в стакан Ларисы подсыпал не Кравцов, то это мог сделать кто-то другой. Почему? Судите сами. – Соев вернулся к столу и, взяв там протокол записи процесса, стал зачитывать, – «Обнаружив жену без признаков жизни, я тут же позвонил в скорую помощь, а затем в милицию. Ожидая их прибытие, я прошёл в спальню, чтобы убедиться, что Лариса взяла ту самую пачку „Барбамила“, что лежала у меня в дипломате. Я открыл дипломат и увидел, что снотворного там нет.», – теперь Соев не улыбался. Напротив, выражение его лица спрессовалось в повышенную концентрацию: нос заострился, губы подтянулись, брови сошлись к переносице, – На вопрос, заданный мною, господин Кравцов утвердительно заявил, что ключ от дипломата он нашёл на привычном месте в пиджаке. Откуда такая педантичность? Ведь мы уже знаем, что Лариса в жизни была крайне неряшлива, а в тот вечер очень сильно пьяна. Много ли аккуратных пьяниц знаете вы? Я – нет. И тут я вспомнил о том, как господин Кравцов подчёркивал нам контрастирующую аккуратность первой жены. Анна Керман, по уверениям подозреваемого, всегда была опрятной хозяйкой. Вот тогда-то я и задал себе впервые вопрос: а не присутствовала ли она на месте преступления?

Соев замолчал. Объяснив причину, вынудившую его прибегнуть к допросу Анны, он спокойно дождался того, как главный судья вызовет её и как она пройдёт к стойке допроса. Адвокат видел, как молодая женщина побледнела, представая перед всеми не в роли незаметной слушательницы, а в роли подозреваемой свидетельницы.

Очутившись лицом к залу, Анна крепко вцепилась в деревяшку барьера. Николай изда- лека заметил, как побелели от этого её тонкие пальцы. Кравцову захотелось выйти из-под стражи, подойти к бывшей жене, разжать её кисти и подышать в них.

«Даже в такую жару пальцы у Анны наверняка холодные, – ласково подумал он. Тонкие линии вен, напрягшиеся на руках женщины, вызвали у Николая острую боль в сердце, – Её-то зачем пытаются? Она тут совсем не при чём. Моя вина во всём. Только моя.»

Пока Кравцов раскаивался и бичевал себя, Анна Керман внимательно осматривала Соева.

Адвокату обвинителю было за пятьдесят. Если не учитывать его сухощавость, то во всём остальном он был внешне приятным. Соев являлся представителем смешанных кавказских кровей. Его смуглая кожа не походила по цвету на загар. Черты лица, выделенные габарит-

ным носом и твёрдым подбородком, смотрелись волевыми. Две толстые, почти чёрные полосы, горизонтально прочерченные на месте сбритых усов, вместе со складками щёк и подбородком, зрительно очерчивали квадрат нижней части лица. Это утяжеляло его и без того широкий овал. Упругие щёки адвоката при малейшей улыбке смешно сжимались вдоль пазух носа в два резиновых комочка. Они нависали над складками щёк, делая похожим Соева на ёжика.

Крупная голова венчалась обильной сединой, зачёсанной прямо наверх и разметанной по сторонам двумя обширными залысинами. В противоположность лицу, фигура Соева была настолько аскетичной, что выглядела ссохшейся. Широкая рубашка, вправленная в светлые летние брюки, не прятала худощавость, а, прокручиваясь вокруг тела, наоборот подчёркивала её, почти бросалась в глаза. Впрочем, такие люди как Соев, никогда не оставались незамеченными. Высокий рост и глаза необыкновенной живости притягивали к нему взгляд. Энергичная походка и чёткие манеры Соева абсолютно вписывались в его яркий образ.

И вместе с тем, он был неприятен Анне. Неприятен не только его положением обвиняющего. Мужчины такого плана: уверенные в себе и не признающие в людях никаких слабостей, пугали женщину. Бесспорно, Соев являл собою сильную личность. Анна, не всегда способная ответить таким, как он, предпочитала их избегать, отчего легко попадала под их осуждение. Оказавшись перед Соевым на процессе, Анна поняла, что он сможет выпотрошить её наизнанку. Женщина напряглась. Деваться было некуда. Во все глаза на неё смотрели Надежда и Верка Латыпова, бросившие в деревне все дела. Хмурил брови Иван: он не пропустил ни одного заседания. Далеко в зале сидели Егор – старший сын Белородько и Татьяна – дочь Верки. «Красивая пара», – не ко времени подумала Анна, вспоминая молодых пацанами: Таньку – тонконогой девчонкой с косичками, Егора – серьёзным пареньком на голову ниже подружки. Теперь перед ней сидели современная молодая девушка со стильной причёской утопающего каре и столичный парень-интеллигент в полупрозрачной оправе на носу. Анна вздохнула. Из всех присутствующих в зале, она могла надеяться только на Николая. Но он, при нынешнем положении, вряд ли смог бы помочь ей. Чтобы выпутаться самой и вытолкнуть на свободу бывшего мужа, Анне приходилось рассчитывать только на себя. Размышления женщины прервал голос Соева:

– Госпожа Керман, скажите нам, когда перед смертью вы видели Ларису Фёдорову в последний раз?

Анна помедлила, пытаясь понять суть вопроса.

– До свадьбы, – наконец произнесла она тихо, призывая себя оставаться спокойной.

– Я прошу уточнить до какой именно свадьбы?

Соев говорил сухо, почти жёстко. В его лице не проскальзывало никакого участия к робости опрашиваемой.

– До нашей свадьбы с Николаем, – произнесла Анна ещё тише.

Избегая смотреть на неприятного адвоката, она коротко глянула на судей. Соев, не претендуя до этого быть в поле зрения допрашиваемой, сейчас подошёл к её стойке:

– А у меня есть показания свидетеля, который видел вас в день убийства Ларисы Фёдоровой в подъезде её дома, – по-прежнему жёстко произнёс Соев, дожидаясь пока Анна посмотрит на него. По залу прошёл ропот возмущения. Кто-то громко охнул. Кто-то вслух обозвал молодую женщину неприличным словом. Судья был вынужден призвать зал к спокойствию. «Нет, только не это!» – безнадежно взмолился Кравцов. Он впился глазами в смертельную белизну лица Анны. Ничего в нём не выражало возмущения или поражения. Женщина беспрекословно соглашалась со сказанным, не протестуя против этого. Она словно спала с открытыми глазами и ничего не слышала. Николаю так захотелось, чтобы Анна проснулась.

Медленно переведя на обвинителя обречённый взгляд, опрашиваемая промолчала. Соев испепелил её презрительным взглядом. Ему больше не нужно было настаивать на её ответе:

– Ваша честь, я прошу вас разрешить мне допросить соседа Ларисы Фёдоровой, пенсионера Владлена Сергеевича Каменева.

Скользнув взглядом по Керман, судья повернулся в сторону милиционера на входе:

– Госпожа Керман, вернитесь на своё место. Введите свидетеля Каменева!

Спускаясь, Анна неловко оступилась.

– Погодите раньше времени падать в обморок. Вы пока ещё только свидетель, а не подозреваемая, – недобро пошутил над этим Соев.

– Спасибо, – поблагодарила Анна, совершенно не к месту.

По правде сказать, она не обратила внимания на реплику адвоката. Ей поскорее хотелось спрятаться от людских глаз, в этот момент алчных, возбуждённых разгорающимся действием. Торопливое желание повернуться к залу спиной вылилось в невнимательность при спуске. Чертыхнувшись про себя, Анна захромала на своё место. Все чувства были поглощены досадой на себя. Глупо было не предвидеть возможность осведомлённости Соева о её визите к Ларисе.

«Наверное, он вынюхал обо мне многое. Осталось только узнать что именно», – подумала молодая женщина, проходя мимо адвоката.

В вызванном свидетеле Анна без труда узнала старичка, ехавшего с ней полгода назад в лифте дома Ларисы.

Было бы странным, если бы он не приметил её: до сих пор Анна помнила на себе его вислый взгляд. Такой, Анна замечала это, нередко появлялся у старых мужчин. Взгляд, выражающий восхищение женщиной, и в то же время разочарование от неспособности стать предметом её внимания.

Без всякого интереса прослушав обстоятельное заявление Каменева о том где, когда и при каких обстоятельствах видел он Анну Керман, Соев подвёл показания свидетеля к нужному рубежу:

– Скажите, Владлен Сергеевич, в своём предварительном рассказе вы нам заявили о том, что ехали в одном лифте с этой женщиной двадцать второго января в районе шестнадцати часов. Так ли это было на самом деле?

– Я сказал? – удивился Каменев, но тут же спохватился, – Ах, да! Я сказал именно так. Это было после обеда. На улице уже начало смеркаться.

– Начало смеркаться или уже было темно? – Соев подкрался к Каменеву почти на цыпочках. Голос его сейчас был тихим, ласковым. Он смотрел на старика с улыбкой, всем своим видом выказывая предрасположенность.

Потребность в уточнении показания привела Каменева в нерешительность. Он принялся вспоминать, бормоча себе под нос:

– Темно? Нет, вроде бы только начало темнеть. Хотя, зимой на улице темнеет рано. Так что, может быть, уже и было темно.

Соев, терпеливо выждав пока старик проговорится, попросил его припомнить час встречи с Анной в лифте поточнее.

– Час? Господи-боже, какой же это был час-то? Погоди, кажется это было всё-таки около четырёх, – совсем неуверенно повторил свидетель.

– А может позже? – в голосе Соева проскользнула настойчивость.

Услышав её, Каменев поторопился согласиться:

– Может и позже. Я, честно признать, не помню.

Старику совсем не хотелось расстраивать Соева. Вызванный адвокатом для столь серьёзного дела, Каменев больше всего был озабочен тем, чтобы не подвести столь уважаемого человека, каким был представитель правосудия.

Соев, меж тем, повторил вопрос, поставив его иначе:

– Владлен Сергеевич, если вы говорите, что не совсем отчётливо помните время, когда вы ехали в лифте вот с этой молодой женщиной, – он указал на Анну, – значит ли это, что вы

могли ехать с ней, скажем, не в четыре часа, как вы это думали ранее, а чуть позже: часиков так в семь, в восемь? – снова мягко спросил Соев.

– В семь-восемь? – переспросил Каменев и глянул на Анну. Ему очень хотелось помочь девушке. Старик не знал чьи интересы представляет на процессе адвокат Соев. Почему-то ему показалось, что желание Соева услышать нужный ответ будет полезным для девушки. Именно из этих соображений Каменев не стал упорствовать с отрицанием. Теперь, подумав, он с ужасом понял, что кроме того, что он сомневался во времени, он совершенно не был уверен в том, что на улице было темно. Страх, что ему придётся отвечать за свои выдумки, парализовал старика.

Появление Каменева на процессе было добровольным. Прочитав на днях в газете статью о предстоящем суде по делу соседки, старик сам позвонил в милицию. Он очень хотел быть полезным, поэтому без всяких колебаний заявил о том, что в день смерти Ларисы видел у неё гостью. В милиции, куда его пригласили, старик настолько красочно описал девушку, с которой ехал в лифте, и которая и была той самой гостьей, что ему тут же показали фотографию Анны Керман. Несмотря на то, что Владлен Сергеевич видел девушку всего один раз, и, что с момента этой встречи прошло почти полгода, он опознал её без труда. Он даже припомнил во что Анна была одета. Милиционеры записали все его показания и поблагодарили за подробности. Это было позавчера. А вчера, во второй половине дня Каменеву позвонил адвокат, представившийся Соевым, и попросил его ещё раз срочно явиться в милицию.

С первых же минут Соев вызвал у Каменева симпатию. Он с улыбкой расспрашивал старика о жизни, интересовался его карьерой бывшего строителя и, как бы про между прочим, задавал вопросы, касающиеся соседки Ларисы. Сам того не заметив, через час беседы с адвокатом старик выложил Соеву массу информации о жизни погибшей.

«Хорошо, что ребята подкинули его мне, а не Рябову, – утёрся Соев после ухода старика. Моральный облик соседки Ларисы до замужества с Николаем, описанный Каменевым со многими интимными подробностями, мог бы сослужить оппозиции неплохую службу, окажись он в протоколе допроса следователя. Соев же эти детали быта погибшей, интересующие его постольку, поскольку он представлял в данном деле интересы потерпевшей стороны, оставил в устном виде. На бумаге он чётко пометил только главное: Анна была в доме Фёдоровой в день смерти последней.

Сопоставив все имеющиеся у него до этого данные, Соев стал подозревать Анну в соучастии в преступлении ещё до начала сегодняшнего слушания. Предположение Рябова о том, что что-то помешало Ларисе допить вино, было лишь конечным убеждением Соева в собственной правоте. Идя по новому свежему следу и оперируя показаниями Каменева, сегодня, ещё до начала процесса, Соев добился у прокурора повторного обыска на квартире погибшей. С момента смерти хозяйки квартира стояла опечатанной. Отправляя бригаду на обыск, адвокат обвинения клятвенно молил старшего лейтенанта, возглавлявшего группу, найти ему во что бы то ни стало какие-нибудь улики против Керман. Теперь, когда у Соева были не просто подозрения против Анны, но и показания соседа, адвокат обвинения мог, в каком-то роде, диктовать поисковой группе свои условия. При первоначальном обыске на экспертизу были взяты лишь видимые улики: отпечатки пальцев на посуде, оставшейся на столе в зале и на кухне, пачка от таблеток, несколько предметов из обихода жильцов, какие-то фотографии, записные книжки погибшей и её мужа, документы. При повторном обыске Соев попросил перевернуть всю квартиру кверху дном. Чутьё подсказывало адвокату, что повторный обыск может дать кое-что интересное. Интуиция не обманула его: всего за несколько минут до начала второй части сегодняшнего заседания, Соеву передали сообщение, полученное по факсу. Это были результаты повторного обыска.

Проглотив написанное одним махом, адвокат обвинитель возбуждённо вскрикнул. Теперь можно было не торопиться с выходом на сцену. Что бы там не говорил теперь Рябов

и как бы жалостливо он не разыгрывал сцены любовного треугольника, Соев знал, что всё равно, в конечном итоге, победа будет на его стороне. Улика, найденная во время второго обыска, была не просто обвиняющей, она была уничтожающей. Недостающая деталь из картинки пазлей, не позволявшая Соеву до этого чётко видеть весь рисунок, теперь встала на своё место. Для полного разгрома противника не хватало только правильных показаний Каменева. Добиться их Соеву было несложно: старик легко шёл на контакт и поддавался любым сомнениям. Значит, его можно было уговорить в нужном для обвинения направлении.

– Итак, Владлен Сергеевич, остановимся с вами на том, что вы не помните в какое точно время вы ехали в лифте с Анной Керман. А также на том, что вы не отрицаете того, что возможно это было не днём, а вечером, – подвёл Соев итог опросу Каменева.

Подслеповато моргнув глазами, старик согласился с адвокатом и вышел из зала. Напоследок он приветливо улыбнулся Анне.

«Ты-то тут никакой роли не играешь, дорогой товарищ сосед», – ответила Анна старику грустной улыбкой. Манипуляции Соева были очевидными. Осталось только дожидаться чем они выльются для самой Анны и, через неё, для Николая.

Впрочем, гадать всем пришлось недолго. Едва дождавшись, пока выведут Каменева, Соев стал медленно и внушительно излагать новую версию смерти Ларисы Фёдоровой. На этот раз материала для обвинения у него было больше. Теперь Соев упорно настаивал на том, что в квартире, кроме супругов, на момент преступления была ещё и Анна. Зная, что собрание на работе закончилось в начале восьмого, было легко предположить, что в гостиницу «Россия» Кравцов и его бывшая жена могли прибыть уже к половине восьмого, в крайнем случае без пятнадцати восемь. Поднявшись наверх в комнату, где жила Анна, они поговорили с дежурной по этажу, затем спустились в ресторан и заказали ужин для женщины и шампанское. Опять же, привлекая к себе внимание официанта, обслуживавшего их, парочка, таким образом, обеспечила себе алиби. К сожалению для обоих подозреваемых, в своих показаниях ни дежурная, ни тем более официант, никак не могли припомнить точного времени появления сообщников в гостинице. Зато оба однозначно заявили, что видели Николая и Анну недолго. На этаже они лишь поинтересовались есть ли у дежурной свежая пресса. В ресторане тоже не задержались: заказанная бутылка с шампанским осталась не выпитой более, чем наполовину. Это официант помнил отчётливо: подобные расточительства в их ресторане бывали большой редкостью. На основании этого, можно было предположить, что Николай и Анна торопились. Здесь очень важно было подчеркнуть то, что дежурная по этажу больше в этот вечер не видела ни девушку, ни её спутника. Правда, она оговорила, что какое-то время отсутствовала на посту, отчего, возможно, упустила момент возвращения проживающей в свой номер. Но зато потом, в течение всего оставшегося времени, дежурная была на посту. В номере, где жила Керман, было тихо. В районе половины двенадцатого дежурная ушла в отведённый ей для ночлега служебный номер. Всё это могло предполагать что, посидев в ресторане, Николай поспешил покинуть отель для того, чтобы вернуться домой. Приехав, он, зная слабость жены к спиртному, под любым предлогом мог предложить ей выпить. Вино должно было помочь Николаю расположить жену к предстоящему визиту Анны. Последняя, доужинав в ресторане в одиночестве, вслед за этим села в такси и поехала на квартиру Фёдоровой. В лифте с соседом Ларисы Каменевым, она могла, таким образом, оказаться не в четыре часа, а после восьми. В своих показаниях Каменев не отрицал того, что мог перепутать время.

Итак, Анна приехала к Кравцовым. Лариса, уже «размятая» к этому времени вином, встретила её дружелюбно. Под предлогом чествования трудоустройства Анны на фирму Ларисы, бывшие супруги, а ныне сообщники, напоили хозяйку квартиры. В районе одиннадцати Кравцов принял снотворное и заснул. Анна Керман осталась с бывшей подругой. Обстановка была располагающей к откровенной беседе. Скорее всего, женщины продолжили пить, чем вполне можно объяснить недостающие при экспертизе триста пятьдесят граммов спирт-

ного. И вот здесь-то Анна, судя по записке, могла признаться Ларисе в том, что Николай до сих пор является её любовником. Каковой была реакция Фёдоровой, догадаться нетрудно: всё-таки она любила своего мужа; пусть по-своему, но любила. Оказавшись в состоянии сильного возбуждения, Лариса, возможно, снова набросилась на вино. Это было как раз то, что нужно сообщникам; улучив момент, гостя незаметно бросила в бутылку три первых таблетки «Барбамила». Убедившись, что последняя опустошила бокал больше, чем наполовину, гостя растворила с бутылке оставшиеся две таблетки и поспешила уехать в гостиницу. Ей было очень важно, чтобы Лариса, до того как уснуть, успела закрыть за ней дверь. Николай в это время уже спал крепким сном. Уходя, гражданка Керман была уверена, что Лариса тут же свалится и заснёт. Она никак не могла предполагать, что у отравленной ею подруги найдутся силы для того, чтобы написать предсмертную записку, в которой она разоблачит своих истинных убийц.

Завершив свой трепетный рассказ, адвокат Соев многозначительно посмотрел на зал. Из сказанного им следовало, что Николай Кравцов являлся если не прямым, то косвенным убийцей своей жены Ларисы.

Соев строил логичную линию, не прибегая пока к той самой последней сражающей улике, что явилась бы, при доскональной проверке фактов, уликой номер один. Для проверки нужно было во-первых, время, во-вторых, навлечение ещё больших подозрений на Анну Керман. В идеале, Соева сейчас очень устори́л бы её арест. Столь жестокая мысль была для адвоката защиты всего лишь одним из ходов его игры. О жизни и судьбе возможно невинного человека он даже не думал. Вот почему закончил речь с обращением к суду:

– Господин судья, при сложившихся обстоятельствах, и учитывая, что гражданка Керман обманула суд, я настаиваю на немедленном её помещении под стражу.

– Что-о-? – сорвалось сразу с нескольких уст.

Противясь подобной формулировке, Рябов сорвался с места с криком:

– Господин судья! Это невозможно. У вас нет повода принимать подобное решение.

– Господин защитник, – судья важно выпрямился, – я напоминаю вам, что решение любого рода принадлежит в этом зале исключительно мне. И я сам буду решать, что для суда возможно, а что нет.

Судья был ущемлён замечанием, но адвокат не сдавался:

– Ваша Честь! Мне кажется, что прежде чем выносить столь серьёзное предположение, мой коллега Соев мог бы сначала более тщательно допросить подозреваемую им Анну Керман. Возможно, ему тогда не пришлось бы напрягать своё воображение попусту, так как она сама рассказала бы нам, что делала в доме Ларисы в день смерти последней. Неточность показаний официанта или дежурной по гостинице, не могут всё-таки являться доказательствами вины. А свидетель Каменев, на мой счёт, вообще не сказал ничего определённого относительно времени встречи с Анной Керман в лифте. В таком случае, стоит, как мне кажется, спросить об этом саму подозреваемую. Она-то должна знать точнее в каком часу она была в гостях.

В голосе Рябова кроме недовольства звучала явная тревога теперь ещё и за Анну. Как и оппонент, он догадывался какую формулировку событиям могут вынести присяжные, если им оставить на рассмотрение новую версию Соева. Рябов, яснее чем когда-либо, понял, что явно не владеет какой-то информацией. Ему совершенно необходимо было выиграть время, чтобы допросить Анну наедине.

После его слов судья задумался. Сказанное Рябовым было очевидным. Никаких прямых улик против Анны Керман пока у суда не было. Но и отказываться рассмотреть версию Соева суд не имел права. Проще всего при сложившихся обстоятельствах было закрыть заседание и перенести его до выяснения новых подробностей. Требование Соева казалось судье преждевременным. А с другой стороны, если обвинитель был прав? Судья молчал.

Рябов ожидал его решения. Соев, по мнению Рябова, позволял себе больше, чем это было предусмотрено положением. Уступить ему – означало заранее согласиться на проигрыш.

Рябову это казалось совершенно недопустимым. Еще час назад позиции защиты были намного выше. Простые подозрения или рассуждения, основанные на неточных показаниях, не могли так просто заставить Рябова смириться с самовольством Соева. И пусть даже Рябов видел, как налились негодованием глаза противника, он совершенно не собирался отступать.

Выслушав критику Рябова со злым прищуром во взгляде, Соев ответил ему прежде, чем судья успел что-то сказать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.